

О действительном статском советнике

ТУРГЕНЕВЕ

IV № 393

№ 1

О П И С Ъ

дела о действительном статском советнике Тургеневе

Число бумаг	Листы в деле
1 Выписка из показаний на Н. Тургенева ¹ , сделанных разными лицами	1 до 10
2 Вопросный пункт подполковнику Матвею Муравьеву-Апостолу 27 апреля и ответ его	10—11
3 Доклад государю императору 7 апреля	12 до 15
4 Брульон отношения к г[осподину] управляющему Министерством иностранных ² дел	15
5 Письмо государю императору от брата означенного Тургенева, Александра Тургенева, 20 мая	16—17
6 Оправдание Николая ³ Тургенева, приложенное к сему письму	18 до 24
7 Рапорт г[осподину] военному министру дежурного генерала Главного штаба его величества от 22 мая, № 914	24
К оному приложения в копиях:	
8 На французском диалекте письмо	25
9 Расписка Тургенева в получении им бумаг	30

Надворный советник Ивановский // (л. 12)

¹ Инициал вписан над строкой.² В подлиннике ошибочно: «внутренних».³ Имя написано другими чернилами по стертому тексту.

Во исполнение высочайшей вашего императорского величества воли, объявленной по поручению г[осподина] начальника Главного штаба вашего величества г[осподином] дежурным генералом, Комитет всеподданнейше представляет на высочайшее благоусмотрение следующее мнение свое насчет мер, кои считает нужным принять, дабы вызвать действительного статского советника Николая Тургенева ² в Санкт-Петербург, ибо // (л. 12 об.) встречаются препятствия к его арестованию в Англии, где он ныне находится. Комитет полагает, что надлежит объявить ему, Николаю Тургеневу, через Российское посольство в Лондоне, «что, по причине показаний, обвиняющих его в участии в тайном обществе, имевшем преступное намерение преобразовать правление и нарушить государственное спокойствие, должен он немедленно явиться в С.-Петербург // (л. 13) для принесения своего оправдания; если же не явится, то сие послужит явным доказательством, что он признает себя виновным ³; в таком случае будет он сужден заочно, по одним против него показаниям». Буде после сего действительный статский советник Тургенев не пожелает приехать в Петербург, то решение дела его не подвержено затруднению ⁴, но без сего объявления он не может // (л. 13 об.) быть судим заочно, ибо по закону обвиненного нельзя признать виновным, не объявив ему предварительного, в чем он обвиняется, и не вняв то, что он в оправдание свое представить имеет.

Дабы г[осподин] Тургенев приездом своим или ответом не замедлил, Комитет полагает необходимым дать ему на нужные для путешествия приготовления со дня объявления ⁵ 3-дневный срок, по истечении коего дальнейшее // (л. 14) его пребывание в Англии сочтется за нежелание исполнить требование ⁶ правительства.

Военный министр Татищев

7 апреля 1826 // (л. 15а)

№ 3(4)

Господину управляющему Министерством иностранных дел

№ 590
10 апреля

Высочайше учрежденный Комитет для изыскания о злоумышленном обществе по воле государя императора вошел к его величеству со всеподданнейшим докладом 7 сего апреля ⁷ о тех мерах, кои полагает ⁸ нужным принять, дабы вызвать сюда находящегося в Англии действительного статского советника Николая Тургенева, на коего есть показание об участии в тайном обществе, имевшем преступные намерения, к арестованию которого в Англии встречается затруднение.

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест, пометы чернилами: «1912», «9 апреля 1826», карандашом: «Справедливо; сообщить г[рафу] Нессельроде». На полях полустертая помета карандашом: «Нужно по секретной] час[ти]: объявить немедленно г[рафу] Нессельроду [два слова неразборчиво] о Тургеневе». Внизу листа помета чернилами: «10 апреля. Графу Нессельроде. № 590».

² Фамилия написана по стертому тексту.

³ Две строки со словами «что он признает себя виновным» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

⁴ Четыре строки от слов «приехать в Петербург...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁵ Слово «объявления» подчеркнуто карандашом.

⁶ Две строки со словами «сочтется за нежелание исполнить требование» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

⁷ Слова «7 сего апреля» вписаны над строкой вместо зачеркнутого: «в коем».

⁸ Слово «полагает» вписано над строкой вместо зачеркнутого: «считает».

Доклад сей его императорское величество высочайше¹ соизволил утвердить² с тем, чтобы³ по содержанию одного сообщено было вашему сиятельству. // (л. 15а об.)

Во исполнение таковой высочайшей воли имею честь препроводить к вашему сиятельству копию с упомянутого, утвержденного государем императором доклада для зависящих от вас, милостивый государь, распоряжений. // (л. 10)

№ 4(2)⁴

1826 года, апреля 27 дня, от присутствия высочайше учрежденного Комитета [господину] подполковнику *Матвею Муравьеву-Апостолу* вопросный пункт.

В показаниях ваших, между прочим, сказано, что Николай Тургенев, как и другие члены Северного общества, вами означенные, разделял мнение Южного общества насчет введения республиканского правления с покушением на жизнь императорской фамилии.

В дополнение сего объясните положительно: сами ли вы говорили о сем с Николаем Тургеньевым или кто другой делал ему сие // (л. 10 об.) сообщение. В первом случае поясните, какой именно был отзыв Николая *Тургенева* на ваше предложение и кто при сем из прочих членов находился или имеет о том сведение; в последнем же случае изложите подробно, кто вам сообщил вышеозначенное согласие *Тургенева* с целью и намерениями Южного общества и с кем именно он рассуждал об оном?

Генерал-адъютант Чернышев

К последним своим показаниям — я сказал, что и не говорил с членами Северной управы о покушении на жизнь императорской фамилии и не настаивал в принятии сего преступного намерения, которого из членов Южной управы брат мой Сергей, Бестужев-Рюмин никогда не разделяли. До приезда [полковника] Пестеля в Петербург сие намерение⁵ дирекции не было известно членам⁶ Северного⁷ общества, кроме Н[икиты] Муравьева⁸, которому сообщил оное князь Барятинский. Когда я был в Петербурге, я сказал Н[иколаю] Тургеньеву⁸, что Южная управа при своем основании положила введение республиканского правления⁹, [полковник] Пестель говорил ему о том, что он настоял, // (л. 11) я говорил с членами Северной управы об удалении из России императорской фамилии.

Подполковник Поджио мне сказал, говоря о кн[язе] Валериане Голицыне, которого я¹⁰ не знал, что он совершенно разделяет мнение Южной дирекции. Вот что я подтвердил вчера при высочайше учрежденном Комитете¹¹.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол¹²

¹ Слово «высочайше» вписано над строкой вместо зачеркнутого: «удостоить».

² Первоначально было: «утверждением».

³ Далее зачеркнуто: «по сему предмету сообщено». Между строк над словами «по сему» зачеркнуто: «о сем объ[явить]».

⁴ Вверху листа карандашом поставлен крест; помета чернилами: «Читано 29 апреля».

⁵ Далее зачеркнуто: «Южной» и над ним между строк: «Северной».

⁶ Слова «До приезда [полковника] Пестеля в Петербург сие намерение дирекции не было известно членам» подчеркнуты карандашом.

⁷ Слово «Северного» вписано над строкой вместо зачеркнутого: «Южного».

⁸ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁹ Слова «Южная управа при своем основании положила введение республиканского правления» подчеркнуты карандашом.

¹⁰ Далее зачеркнуто: «совершенно».

¹¹ Далее зачеркнуто: «№».

¹² Показание написано М. И. Муравьевым-Апостолом собственноручно.

Когда [полковник] Пестель выехал из Петербурга, я не был более на совещаниях Северной управы, а с принятыми им¹ членами я виделся один раз, что я также сказал в последнем своем показании. Северная управа почти рушилась, когда я выехал² из Петербурга в августе 1824 года.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол³

Я понимал раздельность мнения с Южным обществом только насчет введения республиканского правления. До приезда [полковника] Пестеля у членов Северной управы было принято⁴ сочинение Н[икиты] Муравьева⁵ — монархическая конституция.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол³

[Полковник] Пестель первый говорил с Рылеевым о введении республиканского правления.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол³

Полковника Митькова уже не было в Петербурге, когда Пестель приехал, он не знал о сем намерении. Я сам не был на совещаниях в Киеве 1823 [года] и не знал, что положено было до приезда Пестеля в Петербург. Мои старания клонились к принятию членов. Я спешу о сем уведомить высочайше учрежденный Комитет.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол³ // (л. 11 об.)

После моего преступного намерения я сам ужаснулся, и я ни одного члена не принял в тайное общество после отъезда [полковника] Пестеля.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол³

Когда брат мой, Сергей, уговорил меня ехать в Петербург, он мне сказал, что я найду члена Южного общества Поджио⁶ там, и он меня просил не показывать ему, что я было отказался в Киеве в 1823 году принадлежать более обществу.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол³

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 16)

№ 5(5)⁷

Всемилоостивейший государь⁸!

С глубочайшим благоговением и с твердою надеждою на монаршее правосудие и милосердие осмеливаюсь представить вашему императорскому величеству в подлиннике оправдание моего брата, Николая Тургенева, вчера от него мною полученное. С самого возвращения в Россию я слышал ежедневно и от всех о мнимом его участии в преступных замыслах, уничтоженных вашею твердостью. Бремя сих обвинений меня тяготит; я знал, какое печальное дей-

¹ Слово «им» вписано над строкой.

² Слова «Северная управа почти рушилась, когда я выехал» подчеркнуты карандашом.

³ Показание написано М. И. Муравьевым-Апостолом собственноручно.

⁴ Слово «принято» вписано над строкой.

⁵ Слова «До приезда [полковника] Пестеля у членов Северной управы было принято сочинение Н[икиты] Муравьева» подчеркнуты карандашом.

⁶ Фамилия вписана над строкой.

⁷ Вверху листа карандашом поставлен крест. Слева помета чернилами: «№ 1116», справа: «21 мая 1826».

⁸ Ниже, перед текстом письма, помета карандашом: «Высочайше повелевается в Комитет».

ствие они произведут над его душою. Но не время было беречь его: я сообщил ему // (л. 16 об.) все, что мог узнать из городских слухов,— и ответ его в руках вашего величества.

Отсутствие моего брата из отечества спасло его от неминуемой гибели, которую бы, при болезненном его состоянии, принесло ему и кратковременное заточение, ибо он поддерживает жизнь свою одним движением и непрерывными лекарствами. Но сие же отсутствие вредит его оправданию: представ лично пред судей своих, он скорее бы убедил их в своей невинности, скорее бы рассеял ненавистные подозрения, коим подвергли его показания людей, руководимых, может быть, личным к нему недоброжелательством, либо тщетною надеждою уменьшить вину свою, увеличивая число своих сообщников. Но их замыслы всегда были ему чужды; имя и особа оплаки// (л. 17)ваемого нами монарха были ему священны.

Всемилоостивейший государь! Прозорливость ваша отличит заблуждения от злодеяний, неосновательность в некоторых мнениях от участия в заговоре ужасном. Сия мысль вливает утешение в растерзанное мое сердце, и голос брата моего не тщетно коснется вашего слуха.

Всемилоостивейший государь!

Вашего императорского величества верноподданный Александр Тургенев//
(л. 18)

С.-Петербург, мая 20 дня, 1826

№ 6(6)

Известия, полученные мною на сих днях из Петербурга, поразили меня чрезвычайно. Меня обвиняют в участии в тайных обществах, и брат мой заклинает меня представить оправдание. Хотя перед тем судьей, который для меня был всегда самым строгим,— перед моею совестью, я и чувствую себя невинным, но, несмотря на сие, оправдание представляет для меня затруднения особенного рода. По всем известиям, напечатанным в газетах, я вижу, что в Петербурге составилось мнение, что в России существовали тайные общества, устроенные по известным уставам, действовавшие по известным правилам, обдуманними средствами и к предначертанной цели. Я же в душе моей убежден,— и говоря сие, говорю истину,— что в России *такого* общества не существовало. Если описать то, что было в сем отношении, поверхностно, то, конечно, тайные общества могут представить вид чего-то; но, между тем, твердое мое уверение было и есть, что ничего серьезного не было. Но могу ли я сообщить сию мою уверенность другим, особливо тем, кои видят в сих обществах нечто важное? Оправдываясь, не могу ли навлечь на себя подозрения во лжи? Думая и думая об ужасных происшествиях, случившихся в России, я более и более не постигаю, как можно приписывать их причине столь ничтожной, каковою были эти тайные общества. Сии общества, по крайней мере, в том виде, как я их знал и понимал, никогда не могли произвести ничего похожего на то, что случилось. Повторяю, что устроенного общества, с определенною целью, с определенными средствами действовать к достижению известной цели, не было. Все, что могу сказать, есть то, что в России немощные люди толковали об обществах, пытались составлять общества, сочиняли уставы для обществ, сами никогда не зная, как это сделать, как действовать, к какой цели и какими средствами. Вот главное и существенное. Подробности состоят в том, что, собираясь вместе, сии люди в совещаниях своих говорили, что надобно помогать друг другу, что надобно распространять чтение книг, распространять известные, так называемые, либеральные идеи, которые, впрочем, не были распространяемы; что, толкуя или об обществах, или о предметах гражданских и политических вообще,

были говорены вещи, которых ¹ нельзя было бы, например, напечатать. Но кто не говорил в жизнь свою таких вещей, которых не захотел бы повторить? Так и я, быв особенно моложе, говорил много такого, чего бы после или теперь не сказал. В обществе молодых людей, в разговорах неумных и быстрых, мудроно // (л. 18 об.) ли, что у многих вырывались такие речи, коих они не могли бы одобрить по размышлении хладнокровном? Так и фраза, мне приписываемая («Le président sans phrases»), могла вырваться в одном из сих разговоров. Но я едва могу теперь вспомнить, при каком случае я сказал это. «Дело не в пустых фразах», — скажут мне. Но я буду отвечать, что кроме фраз я ничего во всем деле не видал; и если я виновен за фразы, то тысячи людей, разговаривающих ежедневно в беседах приятельских, виновны точно так же. Впрочем, я не полагаю ², чтобы намерение чье-либо было обвинять за слова и, еще менее, за мнения. Мнения и слова могут быть тогда только преступными, когда объявляются всенародно или публично. Французские законы, в сем отношении столь строгие, именно делают сие различие и, подвергая наказаниям за объявление известных мнений всенародно, освобождают от всякой ответственности того, кто изъявлял сии мнения не публично, в кругу знакомых, в жилище частном. Не всегда мы сами себе можем отдать верный отчет в наших мнениях. И, например, я сам не имею теперь решительных мнений о многих предметах и даже о таких, кои казались мне прежде ясными. Размышляя о предметах, мы ищем истины. Иногда новые обстоятельства или рождают новые мнения, или изменяют прежние. Итак, со всею охотою я не могу делать оправдания моих мнений. Но всегда обязан и надеюсь всегда быть в состоянии оправдать мои поступки. Если бы в так называемых тайных обществах было ³ что-либо важное, серьезное, то у меня не недоставало бы духу выйти смело вперед и, изложив истину, защищать мои дела, оправдывать намерения и обвинять себя перед существующими законами. Но этого ничего нет, и мое оправдание перед сими законами должно быть успешно. Я не знаю подробно ⁴, что показывали те, кои теперь задержаны по участию в ⁵ тайных обществах. Догадываюсь только, что они в показаниях своих не позабыли ничего, ибо упоминают о фразах, за несколько лет произнесенных. Признание их должно быть полное. Я со своей стороны могу дать объяснение в том, что до меня касается, и отчет в том, как я видел и разумел вещи. Пусть те, кои так подробно меня обвиняют, прочитав мое объяснение, скажут: «Есть ли в нем что-нибудь противное истине». Вот оно:

За несколько пред сим лет (думаю, [в] 1819 или 20 году) мне принесли устав Общества благополучия или благоденствия. Это была так называемая «Зеленая книга». Я пробежал (в точном смысле этого слова) эту книжку. Сколько могу теперь вспомнить (ибо с тех пор я никогда этой книги в руках не имел), в сем уставе излагались некоторые правила относительно учреждения училищ, благодеяния и т. п. Далее помню только, что эту книжку у меня взяли назад. По правилам сего устава надлежало принадлежать к одному из отделений общества по части училищ или благодеяний. Но я не избрал для себя никакой части, и дело кончилось для меня прочтением «Зеленой книги». В то же время я слышал, что эта книга была показываема многим, // (л. 19) которые так же, как и я, не находили в ней ничего предосудительного. Между тем, продолжая жить в Петербурге, я познакомился с некоторыми людьми, которым «Зеленая книга» была известна и которых я почитал сочинителями ее, но узнал после, что они приняли ее от других и что первоначальные образователи сего не принимают в деле никакого участия. Вступил ли я в тайное общество прочтением «Зеленой книги» и изъявлением одобрения намерениям, в ней изложенным? На

¹ Слово «которых» ошибочно написано дважды.

² Пять строк от слов «Но я едва могу теперь вспомнить...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Четыре строки от слов «обстоятельства или рождают новые мнения, или изменяют прежние...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Слово «подробно» вписано над строкой.

⁵ Слово «в» вписано над строкой.

сей вопрос мне отвечать трудно. Я могу честно сказать, что было и что помню. Я прочел устав — и только. Никаких требований делаемо мне не было, никаких обязанностей возлагаемо на меня не было. Я продолжал видеться иногда с людьми, таким же образом, как и я, принадлежавшими сему обществу. Редко говорили об обществе, и я видел, что все это не имело ничего значительного. Так прошло, я думаю, два или три года. Но в течение сего времени я был иногда приглашаем на совещания¹. В сих совещаниях толковали о том, как бы устроить общество, ибо на самом деле общество не существовало. Каждый говорил, что приходило в голову; но все сии рассуждения оставались всегда совершенно без всякого результата. Иногда, намучив бессилием придумать что-нибудь такое, от чего можно было бы надеяться какого-либо успеха, рассуждения превращались в разговоры об общих предметах, гражданских и политических. Один хвалил такую-то форму правления, другой восхищался такою-то другою, и однажды, я помню (но это было не в сих заседаниях, а в моей комнате), что мне доказывали выгоду какого-то ультраспартанского порядка вещей, в котором не должно существовать права поземельной собственности², и что земля должна быть общею собственностью, как воздух! Мудрено ли, что посреди таких теорий и я говорил о президентах без фраз!! В течение двух или трех лет таких совещаний, я думаю, было три или четыре. Посещая их, я имел свои особенные причины. Вот они:

Люди, которых я встречал тут, питали в душах своих желание добра и пользы общей. Но понятия их о всех предметах, до гражданского устройства касающихся, были весьма несовершенны. Это во многих происходило от недостатка просвещения. Те же из них, кои со способностями ума соединяли сведения в науках, казалось мне, не чувствовали достаточно значительности тех невыгод гражданского устройства в России, которые, по моему мнению, суть важнейшие и об отстранении коих надлежит пешихсь предпочтительно: я разумею крепостное состояние крестьян. Но между сими людьми были и такие, кои чистыми внушениями души постигали то, чего прежде не приобрели учением или размышлением. Я надеялся, что некоторых из всех вообще могу уговорить сделать что-нибудь в пользу их крестьян. Я толковал им об этом и однажды предложил поставить в обязанность каждому отпустить своих слуг, если кто имеет к тому возможность³. Меня слушали, соглашались со мною, но результата никакого не было, не столько, думаю, оттого, что они не видели в предложении моем важности, сколько оттого, что все это так называемое общество в сущности было совершенно ничтожно. Сия уверенность в ничтожности общества была, впрочем, // (л. 19 об.) всеобщая. Все это видели, и весьма часто члены общества смеялись и над обществом, и сами над собою. Наконец, по какому-то внутреннему убеждению все были согласны в том, хотя это и не было именно объявлено, что общества не существует. Не было более ни совещаний, ни рассуждений и, проводя иногда по несколько часов⁴ вместе, не упоминали ни одним словом ни об обществе, ни о чем том, что до него могло касаться. Я, с моей стороны, совершенно отстранился от всего этого, тем более, что занятия мои требовали моего времени, хотя, впрочем, я не могу сказать, чтобы в течение нескольких лет я пожертвовал обществу более пяти вечеров.

Все сие было в [Петер]бурге. Что было в других местах, я не знал и по тому самому полагаю, что в других местах не было ничего. Но между тем некоторые члены общества, видя, с одной стороны, что оно не имеет никакой действительности⁵, с другой, что большое число людей, коим была известна «Зеленая кни-

¹ Две строки от слов «Так прошло, я думаю, два или три года...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Три строки от слов «однажды, я помню...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Две строки от слов «Я толковал им об этом...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Три строки от слов «Наконец, по какому-то внутреннему убеждению...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁵ Так в подлиннике.

га», могут компрометировать прочих, желали постановить что-либо решительное. Спросили моего мнения. Я объявил, что действительно эти шутки могут иметь для нас неприятные последствия в настоящих обстоятельствах, когда мнения о существовании тайных обществ во всей Европе были распространены повсеместно. Мне сказали, что для сего лучше собраться в Москве, где удобнее могут собраться многие из членов, в разные времена поступившие в общество и расселенные по всему государству. Это было для меня удобно, ибо я должен был и без того туда ехать. В Москве, после долгих рассуждений и споров, я убедился более, нежели когда-либо, в совершенной бесполезности общества. Другие думали так же и положили уничтожить общество формально, т. е. особым объявлением¹, предоставляя каждому полную волю делать что угодно, не почитая себя нимало обязанным к чему-либо относительно общества. Таким образом, оно умерло, можно сказать, прежде своего рождения. Вот единственные совещания, которые имели результат, и этот результат был: уничтожение общества. Я признаюсь, что это, едва ли нужное уничтожение общества (ибо общество едва ли существовало), было для меня приятно. Размышляя вообще о тайных обществах хладнокровно, я никогда не находил, чтобы они могли быть действительны, хотя не полагал также, чтобы все тайное было дурно и преступно потому только, что тайно.

Я должен теперь сказать — к обвинению или к оправданию себя, не знаю, — что во все продолжение существования общества я никому не сообщал о существовании его или, говоря словами, принятыми для обществ образованных, я никого не вводил в общество, кроме одного человека², который, впрочем, прежде слышал уже о сем обществе. Я ему сообщил то, что знал и что думал. Показал ему общество и объявил мое о нем мнение. Он, кажется, разделял это мнение и был со своей стороны всегда уверен в ничтожности общества. С этим человеком впоследствии // (л. 20) я часто виделся, даже жилав вместе, но во все время едва ли однажды мы говорили об обществе.

Возвратившись в Петербург по уничтожении общества, я попал по службе к такой должности, которая не позволяла мне заниматься ничем иным, кроме процессов. Знакомство мое с бывшими членами общества не пресеклось, так как оно и составилось не по обществу. Но вместе с сим, в это время я слышал о существовании нескольких обществ; не говорили, впрочем, каких и из кого состоящих именно. Зная по опыту, что значат эти общества, я не обращал на них вести никакого внимания. Иногда некоторые говорили о составлении нового общества³. Я отклонялся от этого. Однажды настояния о составлении нового общества были весьма сильны⁴. Они были обращаемы на меня одним из лиц, не бывших в Петербургском обществе*. Но при сих-то самых настояниях я слышал суждения той теории, о которой упомянул выше. Мог ли я, уже по одной сей причине, решиться на составление общества на таких правилах, если б я не имел других причин? Оспаривая теорию, я отклонил принятие сих правил. При сем случае должен упомянуть одно обстоятельство, ясно доказывающее ничтожность усилий, к образованию обществ стремившихся. Тот, кто делал мне предложение, получив отказ, отвечал мне, что такие отказы весьма вредны для образования общества, что надлежит скрывать слабость и недействительность средств к образованию общества; что если те, на коих можно считать для вступления в общество, узнают истину, узнают, что только человек пять готовы образовать общество, то все предприятие должно рушиться. Эти слова лучше всех доводов и изложений показывают дело и всю тайну общества в настоящем

¹ Три строки от слов «В Москве, после долгих рассуждений и споров...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Слова «не вводил в общество, кроме одного человека» подчеркнуты карандашом.

³ Слова «Иногда некоторые говорили о составлении нового общества» подчеркнуты карандашом.

⁴ Далее фраза подчеркнута карандашом.

* Если б общество было, если б я принадлежал к нему, могли ли бы иметь место такие настояния? (Прим. док.).

виде. Я удержался при моем отказе и привел между другими причинами намерение мое ехать за границу лечиться. Этот же человек и в то же время говорил мне о соединении остатков существовавшего общества в П[етер]бурге с подобным обществом (или с одною из отраслей бывшего П[етер]бургско[го] общества, точно не знаю) во 2-й армии. Я никогда не имел подробного понятия о сем обществе во 2-й армии, но тут ясно увидел, что и оно было не значительнее П[етер]бургского. Отказав за себя, я не желал ¹, чтобы и другие приняли сие предложение. Я сообщил сие мнение некоторым лицам, которые, кажется, не принадлежали прежде к П[етер]бургскому обществу, но хлопотали о составлении или возобновлении общества. Было совещание, на котором, сколько могу помнить, все отказали соединиться с обществом 2-й армии, находя правило повиновения ², которое было предлагаемо, неудобным. Вскоре после сего я оставил П[етер]бург, почитая себя не принадлежащим ни к какому обществу. Можно ли обвинять меня в том, что перед отъездом в чужие края я не вышел из общества? Откуда и как я мог выйти? Где я мог найти общество или членов, его представлявших? И сия невозможность выйти из общества не есть ли лучшее доказательство, что никакого общества тогда не существовало? Прежнее было уничтожено ³ в Москве. Нового при мне составлено не было ⁴. Итак, я имел // (л. 20 об.) полное право почитать себя не принадлежащим ни к какому обществу при выезде из П[етер]бурга[.]

В известиях, напечатанных в газетах, говорят, что по разрушении общества в Москве составилось новое из некоторых избранных членов. Я решительно могу сказать, что нового общества составлено не было, даже принимая составление сего общества в таком смысле, как составление прежнего. Говорили о составлении нового общества как в Москве, так и в П[етер]бурге; говорили о соединении остатков П[етер]бургского общества с обществом 2-й армии; представляли даже проекты правил ⁵ нового общества; говорили также о существовании многих других обществ, но общества, даже подобного прежнему, составлено не было. Если кто-либо из участвовавших в разговорах показывает теперь, что после одного было составлено другое общество, то я не знаю, чему сие приписать: или одушевлявшему их сильному желанию составить новое общество, желание, которое заставило их видеть дело в словах, или, может быть, намерение вовлечением других лиц в обвинение несколько оправдать самих себя. Для меня такое предположение тягостно. Но вспоминая все, что было, все, что я видел после разрушения общества в Москве, я не могу найти никакого повода к показанию, что было составлено новое общество.

Вот изъяснения, касающиеся до дела, общего для всех обвиняемых в участии в тайных обществах. Я изложил меру участия моего собственного. Но дабы сделать объяснение относительно меня исключительно полным, я должен присоединить к сему несколько других обстоятельств, и сие даже с опасением повредить самому себе более, нежели сколько простые признания строго требуют.

Одна Главная, Господствующая мысль наполняла и наполняет все мое нравственное бытие. Все прочие мысли, все мои деяния, более или менее и невольно, направляются к сей Главной мысли. Мне кажется, что для сей мысли я живу, что за нее готов умереть. Эта мысль: уничтожение крепостного состояния ⁶ в России. Эта мысль, эта страсть, если хотите, заставила меня принимать участие в обществе ⁷ до его разрушения. Эта мысль приводила меня искать успеха к освобождению крестьян в масонстве: было время, когда я думал, что полез-

¹ Далее ошибочно повторены слова «я не желал», заключенные в квадратные скобки.

² Слова «правило повиновения» подчеркнуты карандашом.

³ Далее ошибочно написано слово «было», заключенное в квадратные скобки.

⁴ Две строки от слов «И сия невозможность выйти...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁵ Три строки от слов «Говорили о составлении нового общества...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁶ Слова «уничтожение крепостного состояния» подчеркнуты карандашом.

⁷ Слова «принимать участие в обществе» подчеркнуты карандашом.

но учредить новую степень в масонстве с целью уничтожения рабства. Эта мысль поселила во мне намерение издавать журнал¹ и посредством одного распространять мнения о необходимости освобождения крестьян. Ни масонство, ни журнал не удалась так же, как не удалось и общество. Наконец, эта же мысль представилась мне и при разрушении общества. Я всегда почитал долгом не пропускать никакого случая, даже самого маловажного, действовать в пользу освобождения. Скажу теперь откровенно, но справедливо: я находил удачу, хотя и весьма незначительную, только по службе, т. е. в делах, которые могли проходить через мои руки. Все частные мои попытки остались безуспешными. По уничтожении общества, несмотря на опыт неуспешности, я невольно опять начал думать, не могу ли содействовать чего-либо для своей цели. Видя около себя людей, которые продолжали желать тайных обществ, я предпринял изложить несколько правил для составления тайного общества с главной целью, с необходимым условием освободить собственных своих людей². Я сообщил мои правила некоторым лицам как // (л. 21) в Москве, так и в Петербурге. Нельзя было ничего сказать против справедливости моих предложений. Все их одобрили; но вместе с сим я видел, что и по изъявлении согласия ни одной отпускну дано не было. Это более и более убедило меня в невозможности сделать что-либо сими средствами в пользу моей цели и я, наконец, ограничился только действиями моими по службе.

Изложив, таким образом³, обстоятельства, касающиеся до меня, в совокупности с другими, равно как и те, кои касаются до меня исключительно, я могу надеяться, что люди, судящие хладнокровно, без влияния постороннего, без невыгодных предубеждений⁴, люди, знающие по опыту силу убеждений душевных, глубоких, не останутся в нерешимости произнести мое оправдание. Но надежда моя простирается далее: я полагаю, что и по законам я могу быть оправдан.

Меня обвиняют: 1) в участии в тайных обществах⁵; 2) в проявлении каких-то незаконных мнений⁶ в совещаниях и беседах. Вот мое оправдание перед законом. На 1-е. Тайна и преступление не есть синоним⁷ перед законом. Не довольно, чтобы общество было тайным, дабы быть преступным. Надлежит, чтобы цель и действия общества были преступны. Цель общества может быть известна по его уставам. Единственный устав общества была так называемая «Зеленая книга». В ней не было ничего преступного. Действия общества были ли преступны? Сего никак⁸ доказать нельзя, ибо общество не действовало, и я, как член сего общества, не могу привести ни одного поступка, который бы я произвел в действие в качестве члена сего общества. К сему надлежит прибавить, что сие общество было разрушено самими членами одного. На 2-е. Мнения пред законом не могут быть признаваемы преступными, покуда они негласны. Гласность состоит в объявлении мнений или всенародно в публичных местах, или посредством печати. Я мог в разговорах с знакомыми⁹ излагать мнения резкие, неосновательные; но при всем том, то, что я говорил, были мнения, не публично разглашаемые. Самое понятие слова «мнение» означает, что оно может быть несправедливо, может изменяться¹⁰. Впрочем, если бы мнения, мною в то время

¹ Слова «издавать журнал» подчеркнуты карандашом.

² Три строки от слов «я предпринял изложить несколько правил...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Слово «образом» вписано над строкой.

⁴ Слово «предубеждений» подчеркнуто карандашом.

⁵ Пункт подчеркнут карандашом.

⁶ Слово «мнений» подчеркнуто карандашом.

⁷ Слова «Тайна и преступление не есть синоним» подчеркнуты карандашом.

⁸ Пять строк от слов «Не довольно, чтобы общество было тайным» на полях отчеркнуты карандашом.

⁹ Четыре строки от слов «общество было разрушено самими членами одного...» на полях отчеркнуты карандашом.

¹⁰ Слова «несправедливо, может изменяться» подчеркнуты карандашом.

произносимые, были постоянным последствием моих правил, которые не могут меняться подобно мнениям, то я, конечно, помнил бы их. Но я прямо могу сказать, что не помню, какие именно мнения я излагал в разговорах с членами общества; не вспомнил бы и приведенных выше слов, если б мне теперь их не напомнили. Смысл сих слов, — если, впрочем, смысл в них есть, — так далек от всех моих правил, что я почти сомневаюсь, что произнес их. Но положи руку на сердце, кто может сказать, что сии слова и по форме, и по письму простирались за пределы шутки?

Далее меня могут обвинять: 3) в участии в обществе, составленном по разрушении первого. Здесь оправдание перед законами легче. Где следы того нового общества, к которому полагают, что я принадлежал? Нет устава, по которому бы можно // (л. (21 об.) было судить о виновности сего общества. Если нет предмета преступления (*corpus delicti*, *le corps de délit*), то нет и преступника. Это правило есть общее для всех законов¹.

Сего для оправдания перед законом достаточно. Если в изъяснении моем выше я говорил, что и по уничтожении прежнего общества толковали о составлении нового, что я сам делал попытки в сем намерении², то приняв и сие за пункт обвинительный, судья, пожалев, может быть, о заблуждении, тщетно будет искать в законах казни за толкования, за желания, за попытки такие.

Наконец, дабы истощить все отрасли обвинения, могут обвинять меня: 4) и в том, что я не донес о существовании общества. Но тут сам закон меня оправдывает и ограждает, требуя в доносе показаний ясных, достоверных и подвергая казни за показания недоказательные. С самую сильною ревностью к доносам, что мог бы я показать на членов общества? Что они написали «Зеленую книгу»? Что они собираются в год два два или три? Что они разговаривают о политических предметах, не имея по большей части нужных для сего сведений? Что иногда они собирают деньги для помощи бедным (ибо я не знаю другого употребления денег, которые иногда некоторые давали)? Но все сие было бы недостаточно, и судья мог бы отвечать мне, что вместо доноса я должен был посоветовать членам общества познакомиться посредством учения и чтения с предметами, о коих они говорят. Вот именно что я делал: не доносил, а советовал в сем смысле³.

Впрочем, я должен здесь объявить, что многие из членов общества, с коими мне случалось о сем говорить, полагали по многим причинам, что как «Зеленая книга», так и все общество было известно правительству. Я, по крайней мере, не сомневался в сем в последнее время и оказываемые мне милости покойным императором принимал с тем большею признательностью. То, что покойный император поручил мне сказать при отпуске меня за границу, подтвердило меня в сем мнении. Я обещал исполнить то, что мне *советовали* (ибо государь, по беспредельной доброте души, приказал мне сказать, что он дает мне *совет* как христианин, а не приказание) и, прося ту особу, которая мне сообщила эти сведения, незабвенные для меня слова, изъяснить перед императором мою живейшую душевную признательность, я полагал, что эпоха всех моих так называемых либеральностей миновалась безвозвратно. В сем уверении я пребывал с тех пор поныне⁴. И сие обстоятельство делает для меня чрезмерно горестным необходимость оправдываться ныне не только в участии в этом несчастном обществе, но, может быть, и в предполагаемом заговоре. Против кого? Великий боже! Сотворил ли ты меня таким чудовищем!

Газеты несколько раз повторяли, что кроме тайных обществ был еще заговор... против жизни покойного императора. Я истинно не знаю, должен ли я отклонять от себя подозрение такого рода. В таком обвинении, конечно, не я должен оправдываться. Не распространяясь о чувствах, которые я питал к по-

¹ Шесть строк от слов «Далее меня могут обвинять...» отчеркнуты на полях карандашом.

² Слова «делал попытки в сем намерении» подчеркнуты карандашом.

³ Две строки от слов «посредством учения и чтения» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Слова «В сем уверении я пребывал с тех пор поныне» вписаны между строк.

койному государю, скажу только, что, по моему // (л. 22) убеждению, он более всех земнородных сделал в пользу той вещи, которую я почитаю важнейшею и священнейшею, — в пользу освобождения крестьян. Скажу еще в отношении к другим членам общества, что во всех совещаниях никогда не было сказано ни полслова, которое могло бы позволить заключение о намерениях, столь глупо жестоких. Это я очень помню, ибо никогда не забыл таких слов, которые могли бы иметь в смысле своем что-либо похожее на тайное обвинение.

Все, что я изложил доселе, кажется мне достаточным для моего оправдания и перед законами, и перед людьми, которые будут судить о моих поступках так, как надлежит судить о деяниях человеческих вообще сообразно словам, произнесенным Екатериною II: «Justice n'est pas justice, justice est equité!»¹ Повторю еще истинное, всегдашнее мое убеждение: я никогда не почитал общество делом серьезным, никогда не воображал, что могу быть подвержен ответственности по участию в таком обществе. Намерения мои всегда были чисты, деяния мои никогда не были преступны. Мои разговоры могли быть и, конечно, были неосновательны. Вот что против меня сказать можно.

Если бы все относящееся к тайным обществам кончилось в то время, о котором я говорю, если бы все лица, принадлежавшие к тайным обществам, находились в таком же положении, в каком находился я в последние два года, т. е. были совершенно чужды всему, что происходило в России, то, конечно, никто не стал бы обвинять их ни в каких преступных деяниях, ни в каких преступных замыслах. Но было возмущение! Некоторые из лиц, принадлежавших к обществу, участвовали в сем возмущении! И теперь сие возмущение, на основании сделанных показаний, приписывается обществу! В сем обществе участвовал и я; следственно, и я обязан дать отчет в возмущении.

Я мог дать отчет в моем участии в обществе потому, что знал это общество. Но не могу дать совершенно никакого отчета в возмущении, ибо первое понятие о нем получил с первым известием, в газетах напечатанным. При сем первом известии я никак не мог заключить, чтобы возмущение произошло от бывшего общества, ибо почти никто из тех, коих означали участниками в возмущении, не принадлежал к обществу, по крайней мере тогда, когда я знал общество. Некоторые из участвовавших в возмущении, конечно, принадлежали к обществу. Но неужели я могу отвечать за последующие поступки тех лиц, кои некогда вместе со мною принадлежали к обществу? Я вижу напротив того, что те, с которыми, будучи вместе в обществе, я всех более был связан сходством // (л. 22 об.) и мнений, и чувствований, будучи на самом месте во время возмущения, нимало в нем не участвовали и, как я слышу, совершенно теперь оправданы. Как же могу ответствовать в возмущении я, оставивший Россию почти за два года прежде возмущения? В продолжение моего отсутствия я не имел совершенно никаких сообщений с Россиею, кроме писем от братьев, пока они там были. В продолжение всего этого времени я был совершенно чужд не только тому, что могли делать или замышлять лица, участвовавшие со мною в обществе, но чужд даже всему, что делалось вообще в России. Я оставил Россию для preservation моего здоровья. Оно было в таком состоянии, что я не мог не только ничем заниматься, но даже ни о чем думать, кроме только средств избавиться от сильно вкоренившейся болезни. Все те, кои видали меня в чужих краях, могут засвидетельствовать, что я, кроме своей болезни, ни о чем не думал и не говорил. Первое известие о возмущении поразило меня так же, как и всех прочих русских, которых я тогда видел в чужих краях; и при сем известии мне никак не могло прийти в голову, что я впоследствии буду принужден оправдываться в таком деле! Узнавая более и более подробностей о возмущении, я также нимало не подозревал, что обвинения по оному могут коснуться и до меня, ибо видел, что замысел возмущения был составлен в то время, когда и самое возмущение было предпринято. Я не буду оправдывать себя тем, что возму-

¹ «Правосудие не расправа, правосудие — справедливость» (франц.).

щения не могут быть приписываемы мне теми, которые меня знают, ибо к несчастию вижу, что в сем возмущении участвовали такие лица, которых я и сам никогда не мог почитать способными к таким делам. Но вместе я должен сказать, что наряду [с] участвовавшими в возмущении я нахожу таких людей, с которыми (судя по их репутации, ибо лично я их не знал) я никогда не мог иметь ничего общего, ни в чем быть с ними вместе.

Обвиняемых, как я вижу по газетам, разделяют на два класса: те, кои участвовали в возмущении, и те, кои, не участвовав в оном, принадлежали обществу.

Те из первых, кои участвовали в возмущении, принадлежали и к обществу, в допросах должны были показать причину своего преступления. Я полагаю, что единственная причина их деяний была их воля. Но сия причина слишком отвлеченною могла быть для них. Гораздо проще было указать на общество¹ и существованию сего общества приписать причину возмущения, тем более, что принадлежав к обществу, они могли в разговорах своих одобрить происшествия сего рода, бывшие в Гишпании и Италии. Но если бы их спросили: «Возлагало ли общество на вас обязанность бунтовать и резать», — кто из них мог бы отвечать утвердительно на сей вопрос? Если же общество или уставы сего общества такой обязанности на них не возлагали, то, очевидно, что единственною причиною, единственным источником их деяний была собственная их воля. Новым доказательством сему служит и то, что те, кои наиболее участвовали в возмущении, к обществу не принадлежали, и собственная, индивидуальная воля и была для них единственною побудительною причиною². // (л. 23)

Что касается до тех, кои, принадлежав к обществу, не участвовали в возмущении, то они в показаниях своих, конечно, не могли отрицать, что принадлежали к обществу; они могли также сознаться, что в совещаниях и разговорах они произносили слова неосторожные, неосновательные. Но от мнений и речей до деяний — расстояние беспредельно. И от самых сих мнений или речей они добровольно отказались тем самым, что, быв на самом месте возмущения, они в нем не участвовали. Такое отречение от прежних мнений должно служить для них лучшим оправданием, доказывая, что если грешил язык, то сердце оставалось всегда невинным³. Я не знаю, что они показывали, в чем признавались, но, судя по подробностям, напечатанным в газетах, судя по тому, что они не забыли даже фразы, которую я произнес за несколько лет, которую я сам давно позабыл и теперь едва могу вспомнить, мне кажется, что они высказали совершенно все с особенною подробностью. Сие не позволяет сомневаться ни в полноте, ни в искренности признания. После сего я смел бы желать, чтоб им сделали следующий вопрос: «Почитали ли они когда-либо общество вещью серьезною? Имели ли они когда-либо ясное понятие о цели общества. о средствах, кои должествовали вести к сей цели?» Я уверен, что на сие они отвечали бы отрицательно. О сем спросить их нужно как для пользы их собственной, так и для убеждения правительства, которое не только желает отличить невинных от виновных, но, конечно, не захочет лишиться себя средств удостовериться и удостоверить свет, что тайные общества в России не имели той значительности, которую предполагают по теперешним о них известиям. Скажу более: конечно, правительство не захочет отвергнуть средств объявить, что обвиняемые сего класса лица не столь виновны, как, может быть, показывают собственные их признания.

Вот все, что я могу сказать о возмущении. В продолжение всего моего изъяснения я не называю лиц по именам. Кроме того, что я полагаю это бесполезным, ибо все лица уже известны, я опасаясь, исчисляя имена, ошибиться и вместо одного назвать другого. Относительно числа лиц я могу только сказать,

¹ Четыре строки с начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом.

² Три строки от слов «что те, кои наиболее участвовали в возмущении...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Три строки от слов «быв на самом месте возмущения...» на полях отчеркнуты карандашом.

что, принадлежав к обществу, я видался, может быть, в разное время с 10 или 15 человеками, но слышал, что к обществу со времени его учреждения принадлежало около 100 человек].

Здесь повторяю еще, что все мои объяснения относительно времени простираются не далее начала 1824 года, когда я выехал из России. Было ли составлено вновь какое-либо общество, не знаю; был ли заговор, о котором пишут, не только не знаю, но и верить теперь сему не могу ¹, хотя после бывших происшествий всему верить позволительно. Я должен сказать также, что говорю только о том, что могу теперь вспомнить. В последнее время я совершенно не думал ни о каких обществах; существование того, к которому принадлежал, изгладилось из моей памяти и возобновилось только при виде известий о сем обществе.

В заключение моего объяснения да позволено мне будет упомянуть об одном обыкновении английского уголовного судопроизводства. По исследовании дела, по обнаружении вины подсудимого судья, в изложении существа дела присяжным, // (л. 23 об.) всегда представляет им прежнюю жизнь подсудимого, его качества, его поведение. Я желал бы, чтобы взглянули и на мою жизнь, на мои поступки, на мои занятия и положили на весы, с одной стороны, мое участие в обществе, которое я выше описал, и мои дела, с другой; решили: могу ли я быть виновным в каком-либо содействии в происшествиях, покрывших печалью мое отечество?

Наконец, я должен сделать еще одно признание, которое для меня весьма трудно, а именно: мучительная для меня необходимость оправдываться в деле ребяческом и мучительная потому более, что я и прежде таковым почитал общество и все его затеи ². Давно перестав думать об обществе, мне казалось, что я простил сам себе, — не скажу, мои заблуждения, ибо поистине я едва даже и заблуждался! ³ — но ветреность, с какою я все слушал, все говорил и, сказал бы, все делал, если я что-либо делал. Теперь, будучи в жестокой необходимости оправдываться в таком ребяческом деле, я терплю более, нежели сколько заслужил.

Николай Тургенев ⁴ // (л. 24)

№ 7(7) ⁵

Секретно

Дежурство
Главного штаба
его императорского
величества

По канцелярии
дежурного генерала
в С.-Петербурге
22 мая 1826
№ 914 ⁶

Господину военному министру дежурного генерала

Главного штаба его императорского величества

Рапорт

Вследствие поручения [господи]на начальника Главного штаба его величества имею честь представить при сем вашему высокопревосходительству по принадлежности до Комитета о злоумышленном обществе: во-первых, копию с расписки, данной действительным статским

¹ Четыре строки от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом.

² Слово «затеи» подчеркнуто карандашом.

³ Четыре строки от слов «оправдываться в деле ребяческом...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Письмо написано Н. И. Тургеневым собственноручно.

⁵ Вверху листа пометы чернилами — слева: «№ 1126»; справа: «23 мая 1826». Рапорт написан на бланке со штампом.

⁶ Ниже на полях помета чернилами: «К сведению. О Тургеневе сделать записку».

советником Николаем Тургеневым в Лондоне 27 апреля, в получении им бумаг о явке его в С.-Петербург с копиюю же письма секретаря посольства нашего в Лондоне князя Горчакова к находящемуся в Лондоне // (л. 24 об.) нашему поверенному в делах Потемкину; и, во-вторых, в копии же письмо на имя председателя Комитета от маршала Василья Лукашевича от 15 сего месяца с письмом на высочайшее имя.

Генерал-адъютант Потапов // (л. 25)

№ 8(8)¹

Copie de l'office du secretaire de l'ambassade impériale à Londres prince de Gortchacoff à m[onsieu]r de Potemkin de ^{30 avril}/_{12 mai} 1826

Conformément à l'ordre, que vous m'aviez donné, monsieur, en conséquence des directions, qui vous étaient parvenues du ministère impérial au sujet de la sommation à adresser au conseiller d'état actuel Nicolas de Tourgueneff, je me suis empressé de mon arrivée à Edimbourg, dans la matinée du 9 du courant, d'aller à la recherche des informations, propres à m'indiquer le domicile actuel de cet individu. Ses banquiers, sire William Forbes et Cie, auxquels je m'adressai à cet effet, me dirent, qu'il avait fait une absence dans l'intérieur de l'Ecosse, mais qu'il devait déjà être de retour, et que dans ce cas je le trouverai à l'auberge du Taureau Noir (Black Bull Inn, New Lith Walk) son pied à terre habitué. // (л. 25 об.)

En m'y rendant, je rencontrais m[onsieu]r de Tourgueneff dans la rue, et lui ayant confié, que j'étais chargé d'une commission de votre part, nous rentrâmes ensemble dans son appartement.

Je commençais par lui remettre la lettre, dont vous m'aviez muni pour lui. Après l'avoir lu deux fois, il me demanda communication de l'office de m[onsieu]r le compte de Nesselrode, dont il y est fait mention.

Avant de le lui remettre, je crus devoir lui exposer d'abord verbalement les motifs de mon envoi, en résumant le contenu de la dépêche, qui le concernait.

M[onsieu]r de Tourgueneff m'écouta avec toutes les apparences d'un calme parfait. Il me dit: qu'il avait déjà reçu, il y a quelques jours, de S.-Pétersbourg même // (л. 26) un exposé des dénonciations, faites contre lui, qu'il y avait trouvé les premiers indices de la part, qui lui était attribuée à la conspiration du ¹⁴/₂₆ décembre et qu'il s'était empressé aussitôt de rédiger et d'envoyer à la Commission d'enquête une justification complète sur tous les points, articulés à sa charge; que cet écrit, qu'il avait placé sous enveloppe de m[onsieu]r le directeur général des postes à S.-Pétersbourg, pour lui éviter le sort de sa correspondance ordinaire, qui depuis plusieurs mois ne parvenait plus à sa destination, était parti d'Edimbourg le 6 du courant; qu'il était persuadé que sa réception le disculperait entièrement aux yeux du gouvernement impérial et qu'il croyait en conséquence, qu'il lui serait permis d'attendre // (л. 26 об.) au moins les premières informations sur l'effet que sa défense aura produit à S.-Pétersbourg.

En réponse, je remis à m[onsieu]r de Tourgueneff copie de la dépêche de m[onsieu]r le compte de Nesselrode du 7 avril pour le mettre à même de juger d'après les termes mêmes de cette pièce, que les ordres, que vous aviez reçus à son égard étaient péremptoires et n'admettraient de votre part aucune espèce de modification.

¹ Вверху листа пометы чернилами: «Ad N[umer]um (к номеру — лат.) 87. 1826», «1495».

Monsieur de Tourgueneff réprit alors avec quelque chaleur: qu'on l'avait jugé bien sévèrement à S.-Pétersbourg; qu'il ne niait point d'avoir pris part à une des associations, mais qu'il désavouait formellement le but criminel qui leur avait été attribué; que ce but, à en inférer d'après un // (л. 27) résumé des travaux de la Commission d'enquête, publié dans les feuilles anglaises, avait été méconnu ou dénaturé à S.-Pétersbourg; que sa défense rétablissait la vérité des faits, que d'ailleurs deux années d'absence hors du pays offraient au moins une présomption en sa faveur et que dans tous les cas dérangement complet de sa santé ne lui permettait point d'entreprendre un voyage aussi lointain, que pénible, dans le terme, qui lui était désigné.

Je répondis, qu'uniquement chargé de lui remettre la sommation du gouvernement impérial et de recevoir une réponse cathégorique à ce sujet, il ne m'appartenait point de discuter avec lui la conduite, qui lui // (л. 27 об.) conviendrait de tenir; mais qu'il reconnaîtrait lui-même, que par une prompte obéissance aux ordres de son gouvernement, il s'assurait une présomption plus forte en faveur de son innocence, que celle qu'il espère trouver dans le fait de son absence, lorsqu'il est prouvé surtout, que la conspiration remonte à une époque, plus reculée, que son départ de S.-Pétersbourg; que d'ailleurs, vu la nature des inculpations, qui pèsent sur lui, il me semblait, qui toute autre considération, quelque importante qu'elle fût, devait céder à celle de saisir les moyens de justification, que lui offre le gouvernement. Que je devais lui déclarer du reste, que les ordres, que vous aviez reçus, monsieur, ne vous // (л. 28) permettraient d'envisager sa réponse actuelle, que comme un refus absolu de se rendre à la sommation que je lui avais faite, que c'était dans ce sens que j'étais obligé de vous en faire mon rapport et que vous en rendriez compte au gouvernement impérial.

Je dis alors à Monsieur de Tourgueneff, qu'il vous restait encore un devoir à remplir à son égard, en lui faisant part de la démarche qui vous était prescrite auprès du ministère anglais dans le cas où il persévérerait dans son refus.

Cette communication parut occasionner quelque embarras à Monsieur de Tourgueneff. Il chercha par des questions, qu'il m'adressa de l'alien-act et le pouvoir // (л. 28 об.) discrétionnaire des ministres, à pénétrer les conséquences immédiates, que la démarche de l'ambassade impériale pourraient avoir pour lui, la position, dans laquelle il se trouverait placé vis-à-vis du gouvernement britannique, trahissant ainsi visiblement l'appréhension d'être obligé de quitter l'Angleterre. Il ne m'appartenait point de rassurer Monsieur de Tourgueneff sur l'inviolabilité de son asyle et je me bornai à lui répéter, que si dans quinze jours à dater de la remise de la sommation, l'ambassade n'était point instruite de son départ pour S.-Pétersbourg, la démarche prescrite se ferait infailliblement et que vous seriez, monsieur dans le cas de le signaler, comme un homme, // (л. 29) qui a pris part à une conspiration contre son souverain et sa patrie, aux yeux du gouvernement anglais, qui du reste, ajoutai-je partage complètement la juste indignation, qu'inspirent les auteurs et les complices de l'odieuse trame du $\frac{14}{26}$ décembre.

Avant de quitter Monsieur de Tourgueneff, je lui réitérai encore mes instances d'examiner sérieusement le parti, qu'il adoptait, et je lui proposai même de remettre mon départ au lendemain, pour lui accorder le temps nécessaire pour réfléchir aux graves conséquences, qu'il entraînerait pour lui.

Il me répondit, que ce délai serait inutile, qu'il voyait clairement sa position; que comme // (л. 29 об.) dans le terme des quinze jours, que le gouvernement lui accordait il était impossible de recevoir une réponse à sa justification, il ne lui restait, qu'à réitérer celle, qu'il m'avait faite et à se résigner aux conséquences des mesures, que l'ambassade impériale adopterait à son égard.

Monsieur de Tourgueneff prit alors la plume et me remit son reçu de la sommation du gouvernement avec l'exposé des motifs, sur lesquels il fonde son refus de se rendre en Russie, et que j'ai l'honneur de joindre ci-près en original.

Je suis avec la considération la plus distinguée, monsieur, votre très humble
et très obéissant serviteur

(Signé) Gortchacoff

Londres le $\frac{30 \text{ avril}}{12 \text{ mai}}$ 1826

С подлинным верно: генерал-лейтенант Потапов // (л. 30)

Перевод

Копия отношения секретаря императорского посольства в Лондоне князя
Горчакова г[осподи]ну Потемкину от $\frac{30 \text{ апреля}}{12 \text{ мая}}$ 1826

В соответствии с данным мне вами указанием и директивами, которые вы получили от императорского министерства по поводу требования, которое надлежит предъявить действительному статскому советнику Николаю Тургеневу, я, по своем прибытии в Эдинбург утром 9-го этого месяца, немедленно же отправился разыскивать местожительство вышеуказанного лица. Его банкиры, г[осподи]н Вильям Форб и К^о, к которым я обратился по этому поводу, сказали, что он уехал в Шотландию, но что он уже должен был бы вернуться и что в этом случае я смогу найти его в гостинице «Черный бык» («Black Bull Inn», New Lith Walk), где он обычно останавливается.

Отправившись туда, я встретился с г[осподи]ном Тургеневым на улице и сообщил ему о моей миссии, которую вы мне поручили. Мы вместе вошли в его квартиру.

Я начал с того, что вручил ему письмо, которое вы просили передать ему. Прочтя его два раза, он попросил меня сообщить ему отношение графа Нессельроде, о чем упоминается в этом письме.

Прежде чем передать ему это отношение, я счел нужным сначала устно изложить причины моего прихода, кратко сообщив содержание касающейся его депеши.

Г[осподи]н Тургенев слушал меня с видом полнейшего спокойствия. Он сказал мне, что уже получил несколько дней тому назад из Петербурга сообщение с изложением предъявляемых ему обвинений с первыми сведениями о том, что он якобы участвовал в заговоре $\frac{14}{26}$ декабря, и что он немедленно же составил и послал Следственной комиссии объяснение, полностью оправдывающее его по всем пунктам предъявляемого ему обвинения. Это объяснение, которое он вложил в конверт г[осподи]на почт-директора в Петербурге с той целью, чтобы избежать задержки его обычной корреспонденции, которая в течение нескольких месяцев не доходит до места назначения, было отправлено из Эдинбурга 6-го сего месяца; он был убежден, что оно полностью оправдывает его в глазах императорского правительства и что вследствие этого он надеется, что может рассчитывать хотя бы на первые сведения о том действии, которое его оправдание произведет в Петербурге.

В ответ я вручил г[осподи]ну Тургеневу копию депеши г[осподи]на графа Нессельроде от 7 апреля, на основании которой он мог судить о том, что указания, которые вы получили в отношении его, являются безапелляционными и что вы со своей стороны не можете в них внести никаких изменений.

Г[осподи]н Тургенев возразил тогда с некоторой горячностью, что в Петербурге с ним обошлись слишком строго; что он вовсе не отрицает того, что принимал участие в одном из обществ, но что он категорически отрицает преступную цель, которую ему приписывают; что эта цель, если судить по результатам работы Следственной комиссии, опубликованным в английских газетах, была неизвестна или представлена в извращенном виде в Петербурге; что его самозащита восстановит правильное положение вещей; что, кроме того, его двухгодичное пребывание вне страны представляет собой, по крайней мере, презумпцию в его пользу и что, во всяком случае, полное расстройство его здо-

ровья вовсе не позволяет ему предпринимать столь длительную и трудную поездку в предписанные сроки.

Я ответил, что поскольку я лишь уполномочен передать ему требование императорского правительства и получить решительный ответ по этому поводу, мне не надлежит обсуждать с ним вопрос о том, как он должен себя вести; но я сказал, что он должен сам понять, что немедленным подчинением указаниям своего правительства он обеспечил бы себе более сильный довод своей невинности, чем тот, который он хочет найти в факте своего отсутствия, тогда как, между тем, доказано, что заговор произошел намного раньше его отъезда из Петербурга; что, впрочем, учитывая характер обвинений, которые предъявляются ему, мне кажется, что всякое иное соображение, каким бы значительным оно ни было, должно уступить возможности использовать средства для оправдания, которые представляет ему правительство. Что я должен в конечном счете заявить ему, что в соответствии с полученными вами указаниями вы можете считать теперешний его ответ как окончательный отказ от требования, которое я ему предъявил; что именно в этом смысле я вынужден сделать вам мой доклад и что вы его передадите императорскому правительству.

Я сказал также г[осподи]ну Тургеневу, что вам осталось выполнить по отношению к нему еще один долг, сообщив ему о демарше, который предписало вам сделать английское министерство в том случае, если он будет упорствовать в своем отказе.

Это сообщение, как мне показалось, несколько смутило г[осподи]на Тургенева. Своими вопросами о законе об иностранцах в Англии и власти министров он пытался вывести немедленные последствия, которые мог повлечь за собой для него демарш императорского посольства, то положение, в которое он был бы поставлен по отношению к британскому правительству, явно выдавая тем самым боязнь быть вынужденным покинуть Англию. Я вовсе не старался уверить г[осподи]на Тургенева в неприкосновенности его убежища и ограничился тем, что повторил ему, что если в течение двух недель, считая от даты вручения требования, посольство не получит сведений о его отъезде в Петербург, предписанный демарш будет непременно предпринят и что вы в этом случае будете вынуждены представить его английскому правительству как человека, принявшего участие в заговоре против своего монарха и своей родины; к тому же, прибавил я, английское правительство полностью разделяет справедливое возмущение, которое вызывают виновники и участники гнусного заговора $\frac{14}{26}$ декабря.

Прежде чем покинуть г[осподи]на Тургенева, я еще раз настойчиво посоветовал ему серьезно подумать о том решении, которое он примет, я даже предложил ему отложить мой отъезд до следующего дня, чтобы предоставить ему время, необходимое для обдумывания тех серьезных последствий, которые это решение будет иметь для него.

От ответил мне, что этот срок будет ненужным; что он ясно представляет себе свое положение; что, поскольку в двухнедельный срок, который представляет ему правительство, невозможно получить ответ на его оправдание, ему остается лишь повторить то, которое он дал мне, и подчиниться тем мерам, которые императорское посольство примет по отношению к нему.

Г[осподи]н Тургенев взял затем перо и написал мне расписку в получении требования правительства и изложил причины, обосновывающие его отказ вернуться в Россию. Ниже я прилагаю эту расписку в оригинале.

С самым большим уважением к вам ваш преданнейший и покорнейший слуга

(Подпись:) Горчаков

Лондон $\frac{30 \text{ апреля}}{12 \text{ мая}}$ 1826

С подлинным верно: генерал-лейтенант Потапов

Копия расписки, данной действительным статским советником Николаем Тургеньевым

Я, нижеподписавшийся, сим свидетельствую, что г[осподи]н секретарь посольства князь Горчаков сообщил мне сегодня, 27 апреля/9 мая, письмо господина поверенного в делах вместе с копию отношения к нему его сиятельства г[осподи]на графа Нессельроде от 7 апреля 1826 года, которым приписывает мне явиться немедленно в С.-П[етер]бург для принесения моих оправданий по участию в тайных обществах.

Совершенно расстроенное здоровье мое не позволяет мне теперь предпринять пути, столь дальнего. К тому же за три дня перед сим, и именно 24 апреля/6 мая, я отправил в С.-П[етер]бург на имя почт-директора полное, по возможности, объяснение на все // (л. 30 об.) те обвинения, кои против меня представляют и которые сделались мне известны только за несколько дней перед сим. Сие объяснение позволяет мне надеяться, что, достигнув своего назначения, оно будет достаточно для моего оправдания.

(Подписано:) Николай Тургеньев

С подлинным верно: генерал-адъютант Потапов // (л. 1)

№ 10(1)

Выписка из показаний, сделанных на Николая Тургеньева

Кто показывает

Содержание показаний

Князь Трубецкой
(на обороте) 13)

Что Тургеньев участвовал в собрании, когда учреждена управа ² и избраны были членами оной для переговоров с Пестелем: кн[язь] Трубецкой, Никита Муравьев и кн[язь] Оболенский. Что поводом сему послужило письмо Пестеля, который уведомлял, что будет сам в Петербурге; посему члены здешние положили, что необходимо для узнания мыслей Пестеля и состояния его общества показать ему здесь ³ что-нибудь образованное, и учредили управу.

На об[ороте] 33
На 14

В списке о разных членах именует и Тургеньева.

По приезде Пестеля было собрание, в котором находились Тургеньев, кн[язь] Трубецкой, Оболенский и Н. Муравьев. В оном собрании Пестель читал свою конституцию, которую уже не защищал, подав вид, что он от нее отступается, что он убежден ими, что в России ⁴ конституционное правление не иначе может быть, как монархическое.

На об[ороте] 36

Повторяет показание на об[ороте] 13 стр[аницы], что в совещании 1823 года о возобновлении общества участвовал и Тургеньев. // (л. 1об.)

Семенов, тит[улярный] советник]

Не слышал, произнес ли Тургеньев в совещании Коренного совета 1819 года, бывшего у Глинки, слова: «Le président sans phrases», но предмет заседания остался нерешенным.

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест, пометы чернилами: «Ad N[umerum] (к номеру — лат.) 87. 1826», «1495».

² Слово «управа» написано другими чернилами по стертому тексту.

³ Слово «здесь» вписано над строкой.

⁴ Далее зачеркнуто: «не может быть иначе».

В 1821 году отправились в Москву депутаты, — в том числе отсюда: Тургенев и Глинка, которые по возвращении объявили, что возникли несогласия между членами и положено общество уничтожить.

В том же году, по возвращении из Москвы, Тургенев располагал вновь¹ учредить общество, выбрал из прежних членов к[нязя] Оболенского, Нарышкина и Семенова, а вновь приняты: Митьков, Яков Толстой и Миклашевский. Но как сие происходило перед выступлением гвардии в поход, то с отбытием оной из С.-Петербурга и все действия общества прекратились. Ему неизвестно, имело ли сие общество какие-нибудь правила касательно своих действий и определенную цель в рассуждение преобразования правления в России, но сколько ему известен образ мыслей Тургенева, то он довольствовался каким ни есть² представительным правлением. Главнейшею его целью было: освобождение крестьян, распространение просвещения, свобода книгопечатания и прочее]. // (л. 2).

К[нязь] Оболенский

Называет³ Тургенева членом Союза благоденствия и возобновленного, по разрушении его, общества.

Колошин, титулярный] советник]
Генер[ал]-майор] Фон-Визин

Что участвовал в совещаниях 1823 года и был выбран в члены Думы, но отказался.

Называет Тургенева членом⁴ Союза благоденствия⁵ и что он участвовал в совещании Коренной думы в 1820 году в квартире полковника Глинки.

Краснокутский

Называет Тургенева членом Союза и что он участвовал в совещании, бывшем в 1821 году в квартире его в Москве. Хотели удалить некоторых членов. Тогда⁶ написано было распускание общества «Зеленой книги», но неизвестно ему, всеми ли принято было сие постановление. Вместо оного должно было составить по времени новое общество.

Полковник
Глинка
Семенов,
т[итулярный]
советник], на
обор[оте] 40
Орлов, генер[ал]-майор]

Называет Тургенева членом общества в 1819 и 1820 годах.

Называет Тургенева членом благотворительного общества, к которому сам принадлежал. // (л. 2 об.)

Никита Муравьев, на обор[оте] 9

По приезде Семенова в С.-Петербург в марте 1825 узнал, что к Союзу Тургенева принадлежали некоторые лица, но что сей Союз еще слаб и что он надеется усилить его приумножением новых членов.

В начале 1821 года в Москве нашел некоторых членов, в том числе и Тургенева, которые собрались для преобразования общества, ибо все чувствовали, что в нем нет связи.

Северное⁷ общество было в совершенном расстройстве, потому что депутаты Союза благоденствия, собравшиеся весною 1820 года в Москве, уничтожили оное, вследствие чего книги оного были сожжены и много членов вышло. Оставались управы, но без связи между собою, не имея никакого устава, никакого управления, не зная, чего хо-

¹ Слово «вновь» вписано над строкой.

² Слово «есть» написано над строкой вместо зачеркнутого «будь».

³ Перед этим зачеркнуто: «Член».

⁴ Далее зачеркнуто: «тайного общес[тва]».

⁵ Далее зачеркнуто: «и уч[аствовал]».

⁶ Слова «Хотели удалить некоторых членов. Тогда...» вписаны между строк вместо зачеркнутого: «Когда».

⁷ Перед этим зачеркнуто: «По».

тели, и не давая себе отчета в своих желаниях. Только через два года, в 1822 году, Северное общество соединилось опять и приняло некоторый ход после возвращения Гвардейского корпуса из похода. Виновниками сего были он, Ник[ита] Муравьев, ки[язь] Оболенский и Ник[олай] Тургенев, который, однако ж, не занимался набором членов.

Общество, по учреждении Думы, лишилось Тургенева и Митькова, уехавших в чужие края, и Нарышкина, который перешел в армию, Пав[ла] Колошина и Семенова, переселившихся в Москву. // (л. 3)

На об[ороте] 18

При переговорах с Пестелем в 1824 году участвовали¹ члены Думы и некоторые члены общества, в том числе и Тургенев.

Нарышкин (на об[ороте] 4)

Называет Тургенева членом.

В 1823 году полковник Пестель приезжал в С.-Петербург. Нарышкин видел его у Оболенского и в другой раз у Рылеева; в обоих сих² собраниях был и Тургенев. Положено было, чтобы Северное общество действовало особенно и сносилось бы с Южным посредством одного из членов.

Якушкин в пу-
[нкте]

Тургенев состоял в обществе с 1820 года, Якушкин опять присоединился к оному и был в совещании, бывшем в Москве в 1821 году, об уничтожении общества.

13

Тургеневу известно было постановление общества удалить некоторых членов посредством объявления о мнимом уничтожении оного.

Миклашев-
ский
Подполков-
ник Комаров

Принят в общество³ в 1821 году Тургеневым⁴.

Несогласия во мнении одних и охлаждение других, явление членов ненадежных и предложения Пестеля об учинении новых постановлений, более пространных и самовластных, чем ничтожные правила, изложенные в «Зеленой книге», — все сие вместе было побудительною причиною собрания членов Южного и Северного обществ в Москве в начале 1821 года. Тургенев находился // (л. 3 об.) там со стороны последнего и был избран в председатели совещаний на все время сего временного собрания. Он казался весьма уверенным. Мысль генерал-майора фон Визина о разделении общества на 3 разряда⁵: один высший, — *незнаемых*, — в виде Главного Совета, долженствоваемого управлять и составлять законы обществу; второй разряд — *исполнительный*; третий — *нововводимых*, была поддерживаема его партией. Комаров старался сблизиться⁶ с Тургеневым, посещал его часто и всячески старался откровенно говорить с ним, склонить его к уничтожению общества, излагая и даже увеличивая ему, что во 2-й армии оно имеет вид якобинства и угрожает со временем безначалием и гибелью. Притом, давал ему чувствовать опасения со стороны полиции во время их съездов, словом все, что могло содействовать к достижению цели его, Комарова (уничто-

¹ Слово «участвовали» вписано над строкой.

² Слово «сих» вписано над строкой.

³ Слова «в общество» вписаны над строкой.

⁴ Далее зачеркнуто «в особое общество». Последующий текст написан другим почерком.

⁵ Слова «на 3 разряда» вписаны над строкой другим почерком.

⁶ Слово «сблизиться» вписано над строкой другим почерком вместо зачеркнутого слова.

жение общества); скоро он нашел Тургенева, по притворству ли или по чувству, но весьма не чуждым сего. Тургенев решительно опровергал предположенную фон Визиным таинственность.

На 17

Когда Комаров пропустил два приглашения к собранию, то стали подозревать его, и в следующем заседании у всех явилась какая-то умеренность, так что вечер был более частный, нежели политический. // (л. 4) Тургенев скоро уехал. Потом, по убедительным просьбам Комарова, Тургенев созвал членов, и с согласия всех положено и сделано им объявление от имени всех коренных членов, по праву как доверенного, о совершенном уничтожении общества по несходству мыслей и правил и по убеждению общему — положить ему конец. Это было в конце февраля 1821 года.

На 19

Тургенев и Бурцов ослабевали жаром и, казалось, не притворно приступили к уничтожению.

Рылеев

Скоро по вступлении его в общество (сие было в 1823 году) был позван коллежским асессором Пушциным в собрание общества к Митькову; здесь видел многих членов, в том числе и действительного статского советника Тургенева. В собрании сем говорено было о правилах и осторожности, с которою должно принимать членов.

Вадковский,
Нежинского
конноегерского
полка прапор-
щик

Называет Николая Тургенева членом. // (л. 4 об.)

Митьков на 1
странице]

Что Тургенев был членом общества.

10 — на обороте

Что принят Тургеневым в 1821 году.

на 11 страниц]¹

Потом, в 1823 году, он, Тургенев, пригласил его к Пушкину, где находились и многие другие члены общества, коими положено учредить Думу, в которую избраны членами: князь Трубецкой, Николай Тургенев и князь Оболенский. После того согласились по удобности собраться к нему, Митькову², так как он жил на Васильевском острове. Тут читались правила, которые написаны были Тургеневым и всеми одобрены. В них заключалось следующее: стараться изыскивать средства к изменению в правительстве, о чем при принятии новых членов не объявлять. Под сим последним правилом разуметь должно было *изыскивать средства к получению Конституции.*

12 —

Что читал Конституцию Никиты Муравьева, которую не одобрил, когда говорил о ней с Тургеневым, с чем и сей последний согласился.

На оборот]е]

Что во время бытности его за границей виделся с двумя членами — Тургеневым и Толстым³ // (л. 5)

12 —
Пестель⁴

Тургенева показывает членом Северной думы.

Что Тургенев присутствовал в Коренной думе Союза благоденствия.

¹ Ниже на полях помета карандашом: «3 пока[зание]».

² Далее зачеркнуто: «по удобности».

³ Далее текст написан другим почерком.

⁴ Ниже на полях помета карандашом: «1 пок[азание]».

В начале 1820 года в Петербурге было собрание Коренной думы Союза, где блюститель князь Долгорукий по открытии заседания (происходившего на квартире полковника Глинки) предложил Думе просить его, Пестеля, изложить все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений с тем, чтобы потом каждый член объявил свои суждения и мнения. Сие так и было сделано; наконец, после долгих разговоров было прение; заключено и объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждый член говорил, что он желает: *монарха или президента?* А подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: «Le président sans phrases», т. е. президент без дальнейших толков. В заключение приняли все единогласно республиканское правление. Сие решение Коренной думы было сообщено всем частным думам, в том числе и Тульчинской. С того времени республиканские мысли начали брать верх над монархическими.

Пестель ¹

В 1824 году, в бытность его, Пестеля, в Петербурге, с Тургеневым он имел только одно свидание. Предмет разговора был — разделение земель, против которого Тургенев спорил; но, впрочем, был в республиканском образе мыслей.

Подпоручик Бестужев-Рюмин, видевшийся в Киеве с князем Трубецким и полковником Бригеном, сказывал Пестелю в местечке Лиццах, что Трубецкой и Бриген сообщили ему о намерении Северного общества назначить членами верховного правления // (л. 6) адмиралов Мордвинова и Синявина, еще генерала Раевского, но потом сего последнего отринули, а производителем дел при них долженствовал быть Николай Тургенев.

Бестужев-Рюмин ²

На вопрос, кто из членов общества наиболее стремился к достижению ³ цели введения республики посредством революции советами, сочинениями и влиянием своим, отвечает: «Директора общества Николай Тургенев и Никита Муравьев на севере и Пестель на юге».

Что общество вознамерилось ввести в России республиканское правление с самого начала по предложению, сделанному Николаем Тургеневым (страница 3). Сие происходило в С.-Петербурге. Из присутствовавших на совещаниях о сем известны Бестужеву только Николай Тургенев, Никита Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы, князь Илья Долгорукий, Лунин, князь Сергей Трубецкой, Орлов, Глинка. // (л. 6 об.)

Бестужев

Матвей Муравьев жаловался ему, Бестужеву, на бездействие Северного общества, говоря, что Трубецкой, Никита Муравьев и Тургенев проводят время в непрерывных политических прениях и тем связывают руки Оболенскому и Рылееву (лист 135).

¹ Ниже на полях помета карандашом: «4 пока[зание]».

² Ниже на полях помета карандашом: «5 пока[зание]».

³ Первоначально было: «движению». Первая часть слова «дости» вписана над строкой вместо зачеркнутого «дви».

Матвей Муравьев-Апостол¹

3)

2)

Малороссийское общество имело сношение с Северной директориею и, полагает, с Тургеневым (лист 1) *.

В числе известных ему членов Северного общества знает Николая Тургенева (лист 1 на обороте).

Тургенев был в числе тех членов Союза благоденствия, которые после объявленного в 1821 году в Москве уничтожения оного решились не прекращать своих действий.

Тургенев был членом начального общества в Петербурге.

Никита Муравьев и князь Сергей Трубецкой не были согласны на предложение Южного общества о введении // (л. 7) республики и истреблении всей императорской фамилии; но Николай Тургенев, князь Оболенский, Рылеев и другие северные члены разделяли сие преступное мнение южных.

В 1823 году М[атвей] Муравьев, приехав в Петербург, застал Северное общество в совершенном расстройстве, Н[икита] Муравьев и кн[язь] Трубецкой совсем отклонились от оного. Н[иколай] Тургенев потерял всякую надежду, не было заседаний, и члены не виделись. Это продолжалось до осени 1823 года. Северная управа, по убеждению Южного общества, решилась, наконец, возобновить свои действия. Первое совещание членов ее происходило в квартире Пущина. Н[иколай] Тургенев, Н[икита] Муравьев, кн[язь] Оболенский, Рылеев, Митьков, Нарышкин, Вальховский были на оном. Александр Поджио читал проект о занятиях общества. Митьков говорил, что надобно поставить обязанностию членам общества говорить о свободе крестьян. Выслушавши все это, приступили к выбору директоров. // (л. 7 об.) Положено было, что их будет трое, по примеру Южной управы. Н[иколай] Тургенев был избран единогласно, но он отказался, говоря, что в первый раз не был счастлив и не хочет вновь остановить действия обществу. К тому же он сказал, что его здоровье расстроено и что он хочет ехать за границу на воды. Его упрекнули все в сем отказе и выбрали Н[икиту] Муравьева, кн[язя] Оболенского и кн[язя] Трубецкого (лист 97 на обороте). Затем, когда присутствовавшие назначали работу для своих занятий по обществу, то Николай Тургенев взялся написать (проект) о присяжном суде.

После того Н[иколай] Тургенев, Пущин, Рылеев, Митьков и кн[язь] Оболенский собрались на квартире у Митькова. Там Н[иколай] Тургенев читал предложение свое о составе и устройстве общества. Он разделял членов на два разряда: первый разряд мог принимать членов, а второй — нет. Впрочем, предложение Тургенева // (л. 8) не имело в себе ничего замечательного.

В бытность Пестеля в Петербурге в 1824 году, прежде нежели директора Северного общества² были собраны у Оболенского, Пестель виделся с Н[иколаем] Тургеневым; тут находились: Оболенский, Н[икита] Муравьев и он, Матвей Муравьев. Но Тургенев не согласился на принятие

¹ Ниже на полях помета карандашом: «2 пока[зание]».

* Муравьев под именем Малороссийского общества разумеет то, которое Новиков старался основать в Полтаве (прим. док.).

² Слова «Северного общества» вписаны над строкой.

плана Конституции Пестеля. Он никак не хотел допустить разделение земли, говоря, что, не мешая промышленности, земли неприметным образом сами собою разделятся. Сие мнение Н[иколая] Тургенева очень подействовало на всех членов Северной управы.

Сергей Муравьев-Апостол

Швейковский во время бытности своей в Петербурге в 1824 году имел от него, Муравьева, письмо между прочими северными членами и к Николаю Тургеневу. Он, Муравьев, всех их упрашивал присоединиться к Южному обществу и не составлять отдельного. // (л. 8 об.)

Сергей Муравьев-Апостол

Насчет совещания, бывшего на квартире у полковника Глинки, он помнит, что Долгорукий предложил Пестелю объяснить выгоды и невыгоды того и другого правления, и когда стали собирать голоса, Н[иколай] Тургенев сказал: «Le président sans phrases». Прочие же, все, кроме Глинки, были того же мнения.

Подполковник Поджио

Называет Тургенева членом Северного общества. На собрании северных членов у Пуцина в 1823 году был и Н[иколай] Тургенев, и когда он, Поджио, читал правила, извлеченные им для общества, тогда Тургенев сказал: «Здесь ¹ это почти то же, что и благоденствие». Тут Тургенев был избран директором, но он отказался, говоря, что занятия его сего ему не позволяют, что уж столь был неудачен в правлении, что не хочет того более, но что, впрочем, от общества не отклоняется. Потом приступили к назначению работ для занятий. Тургенев взялся написать проект о суде присяжных. // (л. 9)

4 класса Юшневский

В 1820 году членом Северной управы был Никита Муравьев и Николай Тургенев. Одну из должностей в Коренной думе Союза благоденствия занимал Николай ² Тургенев.

Кн[язь] Бярятинский

Слышал о Тургеневе как члене Северного общества.

Швейковский

В бытность в Петербурге доставил письмо от Сергея Муравьева к Тургеневу. Матвей Муравьев начинал несколько раз заводить разговор об обществе, адресуясь к Тургеневу, но тот уклонялся и, наконец, сказал, что он едет лечиться на воды за границу.

Надворный советник Ивановский // (л. 32)

№ 11(0) ³

О действительном статском советнике *Николае Тургеневе*

Из показаний, сделанных о *Николае Тургеневе*, открываются следующие четыре обстоятельства: 1-е. Принадлежность к Союзу благоденствия. 2-е. Участие в совещаниях Коренной думы, бывших в 1820 году. 3-е. Участие в совещании, бывшем в 1821 году в Москве, когда объявлено было мнимое уничтожение Союза, и 4-е. Принадлежность его к образовавшемуся вслед за тем тайному обществу.

1-е. Принадлежность к Союзу благоденствия

О принадлежности *Николая Тургенева* к Союзу благоденствия показывают: князь *Трубецкой*, *Никита Муравьев*, князь *Евгений Оболенский*, генерал-майоры *фон Визин* // (л. 32 об.) и *Орлов*, полковники *Нарышкин* и *Пестель*, обер-

¹ Слово «Здесь» вписано над строкой.

² В подлиннике ошибочно: «Никита»

³ Внизу листа пометы чернилами: «№ 61», «Читана 5 июня 1826».

прокурор *Краснокутский*, подполковники *Николай Комаров*, *Сергей* и *Матвей Муравьевы-Апостолы*, отставной капитан *Якушкин* и титулярные советники *Семенов* и *Колошин*.

2-е. Участие
в совещании
Коренной думы

В начале 1820 года в Петербурге было собрание Коренной думы Союза, где блюститель Совета князь *Долгорукий* по открытии заседания сделал предложение, чтобы *Пестель* изложил все выгоды и невыгоды монархического и республиканского правлений с тем, чтобы потом каждый член объявил свои суждения // (л. 33) и мнения. После продолжительного прения заключено и объявлено, что голоса будут собираться таким образом, чтобы каждый при сем объявил причины своего выбора. Когда дошло до *Тургенева*, то он сказал по-французски: «*Le président sans phrases*», т. е. «Президент без дальнейших толков». В заключение все приняли единогласно республиканское правление. Первое показание о предмете сего совещания было сделано *Пестелем*. По разноречию отобранных ответов от присутствовавших в оном совещании членов даны были очные ставки *Пестелю* // (л. 33 об.) с *Семеновым* (титулярным советником), *Бригеном*, *Глинкою*, *Никитой Муравьевым*, *Сергеем Муравьевым-Апостолом* и *Колошиным*, на коих *Никита Муравьев* и *Сергей Муравьев-Апостол* согласились с вышеозначенным показанием *Пестеля*; *Семенов* и *Бриген* отвергнули оное, утверждая, что предмет совещания остался нерешенным, *Колошин* объяснил, что чем кончилось совещание, не помнит, а потому и отвергать не осмеливается, а *Глинка*, что члены политического отделения общества, слушая курсы наук политических, собирались иногда // (л. 34) к нему и заводили разговоры и даже споры о разных системах, а иногда и о формах правления, в общем полемическом или ученом смысле и с тем единственно намерением, чтобы вразумляться в науках, показанное же *Пестелем* заседание он отвергает.

3-е. Участие
Тургенева в со-
вещании 1821
года в Москве

Показ[ания]
титулярного
советника *Се-*
менова, под-
полковника
Комарова. По-
каз[ания] *Яку-*
шкина и гене-
рал-майора *фон*
Визина

В начале 1821 года было в Москве собрание депутатов общества для преобразования оного, ибо чувствовали, как говорит генерал-майор Орлов, что нет в нем связи. В числе депутатов со стороны Северного общества находился *Николай Тургенев*. После нескольких // (л. 34 об.) предварительных совещаний было окончательное в исходе февраля 1821, в котором, по показаниям одних, положено было уничтожить общество без всяких предположений о возобновлении оного, а по показаниям других, что сделано только объявление о мнимом уничтожении общества, имея в виду сим средством удалить некоторых ненадежных членов. О присутствии *Николая Тургенева* в сем совещании показывают: *Семенов* (титулярный советник), *фон Визин* (генерал-майор), *Орлов*, *Якушкин* и *Комаров*. Сей последний // (л. 35) присовокупляет, что *Тургенев* был избран в председатели совещаний во все продолжение сего временного собрания, казался ему весьма умеренным; *Комаров*, видя в нем склонность к уничтожению общества, открылся ему, что во 2-й армии оно имеет вид якобинства и угрожает со временем безначалием и гибелью. Скоро заметил он, что *Тургенев* имел одинаковые с ним мысли насчет уничтожения общества, которое после многих споров по-

4-е. Участие в обществе после 1821 года и действия его по оному

Показание Семенова

Показания князя Трубецкого, князя Оболенского, Никиты Муравьева, Нарышкина, Матвея Муравьева-Апостола, Поджио (подполковника)

ложено было разрушить, о чем и объявлено *Тургеневым* от имени коренных членов. // (л. 35 об.)

По возвращении *Тургенева* из Москвы в С.-Петербург в 1821 году он, располагая вновь учредить общество, выбрал из прежних членов князя *Оболенского*, *Нарышкина* и *Семенова*, а вновь приняты: *Митьков*, *Яков Толстой* и *Миклашевский*. Но как сие было перед выступлением гвардии в поход, то с отбытием оной из С.-Петербурга и все действия общества прекратились.

Семенов объясняет, что не знает, имело ли сие общество устав или какие-нибудь правила касательно действий и определенную цель в рассуждение преобразований правления в России; но сколько ему // (л. 36) известен образ мыслей *Тургенева*, то главнейшей целью его было: освобождение крестьян, распространение просвещения и прочее. Засим он довольствовался бы каким ни есть представительным правлением.

В 1823 году происходили совещания общества у *Пущина*, *Митькова* и других членов. В первом из них учреждена Дума, в которую единогласно избрали членом присутствовавшего там *Николая Тургенева*, но он отказался, говоря, как показывает *Матвей Муравьев-Апостол*, что в первый раз он не был // (л. 36 об.) счастлив, но не хочет вновь остановать действия общества; к тому же прибавил, что расстройство его здоровья требует отъезда его в чужие края. Засим пал выбор на *Митькова*, но и сей отказался. Наконец, избрали *Никиту Муравьева*, и князя *Оболенского*, и князя *Трубецкого*. Во втором совещании у *Митькова Тургенев* тоже с прочими участвовал; там читал он предложение о составе и устройстве общества, которое разделял на два разряда: на соединенных и на убежденных, — и положено содействовать цели сочинениями в духе оного. Согласно сему // (л. 37) *Тургенев* взялся писать об уголовном судопроизводстве, *Рылеев* — «Катехизис свободного человека», а князь *Оболенский* — об обязанностях гражданина.

Сверх того показывают:

1. *Пестель*, что в бытность его в 1824 году в Петербурге имел свидание с *Тургеневым*, который хотя и был против мнения *Пестеля* о разделении земель, но, впрочем, был в республиканском образе мыслей.

2. *Матвей Муравьев*, что намерение Южного общества о введении республиканского правления с истреблением всей императорской фамилии было отвергаемо *Никитой* // (л. 37 об.) *Муравьевым* и князем *Трубецким*, но *Николай Тургенев*, князь *Оболенский*, *Рылеев* и другие оное разделяли. Для пояснения сего спрошен *Матвей Муравьев-Апостол*, сам ли он сообщал *Тургеневу* преступную цель и намерения Южного общества и какой именно в сем случае был отзыв *Тургенева* на сие объявление или кем другим открыта ему сия цель и от кого именно он, *Матвей Муравьев-Апостол*, узнал о согласии *Тургенева* с оной? На сие *Матвей Муравьев-Апостол* объяснил, что сам он никому из членов Северного общества не сообщал // (л. 38) о намерении Южного общества истребить всю императорскую фамилию, а сказывал им только об удалении оной из Рос-

сии. *Тургеневу* же объявил, что Южная управа положила в своем основании введение республиканского правления.

По нахождению *Николая Тургенева* в Англии, Комиссия с высочайшего утверждения сообщала [господину] управляющему Министерством иностранных дел об объявлении ему, *Тургеневу*, чтобы он немедленно явился в С.-Петербург для принесения своего оправдания; если же не явится, то сие послужит // (л. 38 об.) явным доказательством, что он чувствует себя виновным, и в таком случае будет сужден заочно по одним против него показаниям.

Тургенев еще до объявления ему сего требования отправил оправдание к брату своему, действительному статскому советнику Александру Тургеневу, который известил его по городским слухам о сделанных на него обвинениях.

Оправдание сие представлено Александром Тургеневым на высочайшее благоусмотрение.

Вслед за тем [господин] управляющий Министерством // (л. 39) иностранных дел доставил подписку *Тургенева*, что он читал требование российского правительства о немедленном прибытии в С.-Петербург для принесения своих оправданий, но по болезни предпринять столь дальний путь не в состоянии; причем, ссылаясь на вышеизложенное объяснение, присовокупляет, что оно, достигнув своего назначения, достаточно будет для его оправдания.

Но как оправдание сие основано на городских слухах и прислано Николаем Тургеневым к брату его, Александру Тургеневу, в виде частного объяснения, а между // (л. 39 об.) тем, по требованию Комитета, он лично не явился и надлежащего удостоверения в действительности болезни его не представил, то и оправдание сие оставлено без уважения, но приобщено к делу.

Правитель дел Боровков // (л. 40)

№ 12(0)

Действительный стат[ский] советник Н[иколай] Тургенев

По показаниям, в деле находящимся, он присоединился к *Союзу благоденствия*, который был уже составлен. Быв избран председателем собрания депутатов в Москве 1821 года, он объявил членам, что Союз прекращается. Возвратясь в С.-Пете[рбург], он, как показывает Семенов, покушался составить новое общество и принять несколько лиц. По восстановлении первого Союза в 1822 году он был одним из возобновителей.

Из обстоятельств дела видно, что преклонен был к форме республиканского правления; он изъявил мысль сию, по утверждению Пестеля, в собрании Коренной думы теми словами: «Président sans phrases» («Объявляю без фраз, что хочу президента»).

Рылеев показал, что по возобновлении общества в одном совещании, где вопрос настоял об участии царствующего дома, если император Александр не согласится на их условия, Тургенев пристал к мнению о вывозе за границу ¹,

¹ Далее до конца листа текст вписан вставкой на полях вместо зачеркнутого: «но о сем никто другой, из бывших на этом совещании, в своих показаниях не упоминает».

но из присутствовавших, по уверению самого Рылеева, на том совещании лиц большая часть не подтвердила того показания. // (л. 40 об.)

Из показания прочих подсудимых также не видно, чтобы он участвовал в каких-либо намерениях на царевичество или на явное возмущение. Во время председательства его в Москве, как говорит Комаров, он показывал себя весьма умеренно. Впоследствии отрекся от предложенного ему директорства в восстановленном С.-Петербургском обществе и в принятии новых членов не участвовал. Совещания о формах правления, на коих он присутствовал, остались, по-видимому, без всяких последствий.

Как он не явился к следствию, то на приводимые против него показания нет при деле других опровержений кроме тех, кои им присланы из Единбурга за три дня до того времени, как он через миссию нашу вызываем был явиться сюда к суду. В сем объяснении Тургенев признается, что принадлежал к Союзу благоденствия, но без всяких предположений к насильному // (л. 41) испровержению государственных установлений и даже без всякого определенного политического плана. Притом он утверждает, что ни о чем не предлагал, как токмо об отмене рабства крестьян в России (сие согласно и с показанием Семенова, в деле находящемся), и что после того отказался от ¹ участия в составлении нового тайного общества в С.-Петербурге, быв убежден отеческими увещаниями покойного государя императора, кои были ему переданы при отъезде в апреле 1824 года, кои при сем случае от его величества были ему оказаны и кои принял он как залог прощения, как доказательство совершенного забытия прежних его заблуждений, он дал твердое обещание и, быв верен своему слову, не входил более ни в какое сношение с лицами, к обществу принадлежавшими. // (л. 42)

№ 13(0) ²

1826 года, 16 июня, от высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленном обществе [господину] коллежскому асессору *Пушину* вопрос.

В одном из собраний общества, происходившего в квартире подпоручика Рылеева, и, кажется, как говорит он, именно в том, в котором было рассуждаемо о созвании Великого Собора, он сделал вопрос: «А что делать с императором, если он откажется утвердить устав представителей народа?» — вы произнесли: «Это в самом деле задача!» Тут Рылеев, воспользовавшись мнением *Пестеля*, сказал: «Не вывезти ли за границу?» *Трубецкой*, подумав, отвечал: «Более нечего делать». Все, бывшие у него, *Рылеева*: Митьков, Никита Муравьев, Матвей Муравьев-Апостол, Оболенский и Тургенев согласились на сие. Впоследствии от членов Думы // (л. 42 об.) возложено было на Рылеева поручение стараться приготовить для исполнения сей мысли несколько морских офицеров.

В сем случае нужно показание ваше: когда именно происходило означенное собрание и действительно ли Тургенев изъявил согласие свое на вывоз за границу государя императора и, притом, какими именно словами, если

¹ Далее зачеркнуто «общества».

² Вверху листа помета чернилами: «Пол[учено] 16 июня 1826».

припомните, изъявил он согласие сие? Сверх сего, было ли известно Тургеневу о означенном поручении, сделанном Рылееву?

Генерал]-адъютант] Бенкендорф

По требованию Комиссии сим имею честь показать следующее:

Истинно я не припомню, в какое время происходило означенное собрание, кажется, в генваре [1]824 г[ода] ¹; по сему предмету я был уже спрошен; ныне же в пополнение показываю, что я достоверно не знаю, был ли Тургенев на оном, не только чтобы // (л. 43) мог с надлежащею точностию ² объяснить, изъявил ли он согласие на изъясненное Рылеевым предложение относительно государя императора и было ли ему известно о содеянном на сей предмет Рылееву поручении. К сему показанию коллежский асессор Пуцин руку приложил ³.

Генерал]-адъютант] Бенкендорф // (л. 44)

№ 14(0) ⁴

1826 года, 16 июня, от высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленном обществе г[осподину] полковнику Митькову вопрос.

В одном из собраний общества, происходившем в квартире подпоручика Рылеева и, кажется, как говорит он, именно в том, в котором было рассуждаемо о созвании Великого Собора, он сделал вопрос: «А что делать с императором, если он откажется утвердить устав представителей народа?» Коллежский асессор Пуцин произнес: «Это в самом деле задача!» Тут Рылеев, воспользовавшись мнением Пестеля, сказал: «Не вывезти ли за границу?» Трубецкой, подумав, отвечал: «Более нечего делать». Все бывшие у него, Рылеева: вы, Никита Муравьев, Матвей Муравьев-Апостол, Оболенский и Тургенев согласились на сие. // (л. 44 об.) Впоследствии от членов Думы возложено было на Рылеева поручение стараться приготовить для исполнения сей мысли несколько морских офицеров.

В сем случае нужно показание ваше: когда именно происходило означенное собрание и действительно ли Тургенев изъявил согласие свое на вывоз за границу государя императора и, притом, какими именно словами, если припомните, изъявил он согласие?

Генерал]-адъютант] Бенкендорф

Сим честь имею ответить. В вышеозначенном собрании общества, происходившем в квартире подпоручика Рылеева, я не находился, и когда именно происходило означенное собрание и что Тургенев изъявил согласие свое на вывоз за границу государя императора мне неизвестно, и я о сем не слыхал.

1826 года, 16 июня

Полковник Митьков ⁵

Генерал]-адъютант] Бенкендорф // (л. 45)

¹ Слова «кажется, в генваре [1]824 г[ода]» вписаны над строкой.

² Слова «с надлежащею точностию» вписаны над строкой вместо зачеркнутого: «достоверно».

³ Показание написано И. И. Пуциным собственноручно.

⁴ Вверху листа помета чернилами: «Получ[ено] 16 июня [1]826».

⁵ Показание написано М. Ф. Митьковым собственноручно.

1826 года, 16 июня, от высочайше учрежденного Комитета для изыскания о злоумышленном обществе [Господину] поручику князю *Оболенскому* вопрос.

В одном из собраний общества, происходившем в квартире подпоручика *Рылеева* и, кажется, как говорит он, именно в том, в котором было рассуждается о созвании Великого Собора, он сделал вопрос: «А что делать с императором, если он откажется утвердить устав представителей народа?» Коллежский ассессор *Пуцин* произнес: «Это в самом деле задача!» Тут *Рылеев*, воспользовавшись мнением *Пестеля*, сказал: «Не вывезти ли за границу?» *Трубецкой*, подумав, отвечал: «Более нечего делать». Все, бывшие у него, *Рылеева: Митков*, вы, *Никита Муравьев*, *Матвей Муравьев-Апостол* и *Тургенев* согласились на сие. // (л. 45 об.) Впоследствии от членов Думы возложено было на *Рылеева* поручение стараться приготовить для исполнения сей мысли несколько морских офицеров.

В сем случае нужно показание ваше: когда именно происходило означенное собрание и действительно ли *Тургенев* изъявил согласие свое на вывоз за границу государя императора и, притом, какими именно словами, если припомните, изъявил он согласие сие? Сверх сего, было ли известно *Тургеневу* о означенном поручении, сделанном *Рылееву*?

Генерал-адъютант Бенкендорф

Согласно с прежним показанием моим и ныне подтверждаю, что поистине не упоминаю совещания, в коем бы *Рылеев* сделал бы вышеозначенное предложение о вывозе императорской фамилии за границу, и потому ни подтвердить сего, ни отвергнуть не могу и тем менее представить о сем мнение *Тургенева*. Что же касается до предложения, сделанного *Рылееву* от членов Думы ², о приготовлении для сего нескольких морских офицеров, то я смело утвердить могу, что при мне в Думе о сем // (л. 46) совещания не было. Если же о сем сообщено было *Рылееву* кем-либо из членов Думы, то, вероятно, в виде разговора, как собственное мнение, но в Думе ничего решительного о сем определяемо не было. Впрочем, совещания сии, происходя в конце 1823 или в начале 1824 года, после коих мнения о сем членов общества совершенно переменились, и о предложении сем (если оно было утверждено) уже более упоминаемо не было, то я, потеряв сии обстоятельства совершенно из вида, ничего о сем утвердительно показать не могу.

Князь Евгений Оболенский ³

Генерал-адъютант Бенкендорф // (л. 47)

№ 16(0) ⁴

1826 года, июня 16 дня, от высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленном обществе [Господину] князю *Трубецкому* вопрос.

В одном из собраний общества, происходившем в квартире подпоручика *Рылеева* и, кажется, как говорит он, именно в том, в котором было рассуждается о созвании Великого Собора, он сделал вопрос: «А что делать с императором, если он откажется утвердить устав представителей народа?» Коллежский ассессор *Пуцин* произнес: «Это в самом деле задача!» Тут *Рылеев*, воспользовавшись мнением *Пестеля*, сказал: «Не вывезти ли за границу?» Вы, поду-

¹ Вверху листа помета чернилами: «16 июня 1826».

² Слова «от членов Думы» вписаны над строкой.

³ Показание написано Е. П. Оболенским собственноручно.

⁴ Вверху листа карандашом поставлен крест, чернилами помечено: «Пол[учено] 16 июня 1826»

мав, отвечали: «Более нечего делать». Все бывшие у него, *Рылеева: Митьков, Никита Муравьев, Матвей Муравьев-Апостол, Оболенский и Тургенев* // (л. 47 об.) согласились на сие. Впоследствии от членов Думы возложено было на *Рылеева* поручение стараться приготовить для исполнения сей мысли несколько морских офицеров.

В сем случае нужно показание ваше: когда именно происходило означенное собрание и действительно ли *Тургенев* изъявил согласие свое на вывоз за границу государя императора и, притом, какими именно словами, если припомните, изъявил он согласие сие? Сверх того, было ли известно Тургеневу о означенном поручении, сделанном Рылееву?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

В показании, приведенном в сем вопросном пункте, вероятно, есть ошибка, ибо, сколько я помню, то мне не случалось быть в квартире Рылеева // (л. 48) с означенными в оном показании лицами. Когда я в первый раз был у Рылеева, то, сколько помню, сие было уже по отъезде и Митькова, и Пушина отсюда в Москву (ибо я был в первый раз у него, когда у него болела нога) *. В присутствии моем, сколько могу припомнить, то Тургенев никогда не изъявлял согласия на вывоз государя императора за границу, и не слышал я от него по сему предмету никакого рассуждения. О поручении же, сделанном Рылееву касательно приготовления на сей счет морских офицеров, Тургеневу известно не было.

Полковник князь Трубецкой ¹

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 49)

№ 17(0) ²

1826 года, 16 июня, от высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленном обществе [господину] капитану *Муравьеву* вопрос.

В одном из собраний общества, происходившем в квартире подпоручика *Рылеева* и, кажется, как говорит он, именно в том, в котором было рассуждаемо о созвании Великого Собора, он сделал вопрос: «А что делать с императором, если он откажется утвердить устав представителей народа?» Коллежский ассессор *Пуцин* произнес: «Это в самом деле задача!» Тут *Рылеев*, воспользовавшись мнением *Пестеля*, сказал: «Не вывезти ли за границу?» *Трубецкой*, подумав, отвечал: «Более нечего делать». Все бывшие у него, *Рылеева: Митьков, // (л. 49 об.) вы, Матвей Муравьев-Апостол, Оболенский и Тургенев* согласились на сие. Впоследствии от членов Думы возложено было на *Рылеева* поручение стараться приготовить для исполнения сей мысли несколько морских офицеров.

В сем случае нужно показание ваше: когда именно происходило означенное собрание и действительно ли *Тургенев* изъявил согласие свое на вывоз за границу государя императора, и, притом, какими именно словами, если припомните, изъявил он согласие сие? Сверх сего, было ли известно Тургеневу о означенном поручении, сделанном Рылееву?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

О собрании, происходившем у Рылеева, я знаю только, что оно происходило незадолго до отъезда Николая Тургенева за границу: в конце ли 1824 или в начале 1825 года, того не упомяну. Я не в состоянии привести выражений,

* Сие обстоятельство я привожу потому, что не упомяну точного времени (прим. док.).

¹ Показание написано С. П. Трубецким собственноручно.

² Вверху листа помета чернилами: «Пол[учено] 16 июня 1826».

коими [господин] Тургенев изъявил свое условное согласие. Что же касается до того, слышал ли и помнит ли он, что предлагали Рылееву приготовить к сей мысли нескольких флотских офицеров, то это мне неизвестно, // (л. 50) поелику после собрания я ни с ним, ни с кем другим о том не рассуждал.

Капитан Муравьев ¹

[Генерал]-адъютант Бенкендорф // (л. 51)

№ 18(0) ²

1826 года, 16 июня, от высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленном обществе [господину] отставному подполковнику *Матвеем Муравьеву-Апостолу* вопрос.

В одном из собраний общества, происходившем в квартире *Рылеева* и, кажется, как говорит он, именно в том, в котором было рассуждаемо о созвании Великого Собора, он сделал вопрос: «А что делать с императором, если он откажется утвердить устав представителей народа?» Коллежский ассессор *Пуцин* произнес: «Это в самом деле задача!» Тут *Рылеев*, воспользовавшись мнением *Пестеля*, сказал: «Не вывезти ли за границу?» *Трубецкой*, подумав, отвечал: «Более нечего делать». Все, бывшие у него, *Рылеева: Митьков*, // (л. 51 об.) *Никита Муравьев*, вы, *Оболенский* и *Тургенев* согласились на сие. Впоследствии от членов Думы возложено было на *Рылеева* поручение стараться приготовить для исполнения сей мысли несколько морских офицеров.

В сем случае нужно показание ваше: когда именно происходило означенное собрание и действительно ли *Тургенев* изъявил согласие свое на вывоз за границу государя императора и, притом, какими именно словами, если припомните, изъявил он согласие сие?

[Генерал]-адъютант Бенкендорф

Я был в сем собрании, но не помню, кто именно предложил сие намерение. Я помню, что князь *Трубецкой* сказал, что нужно вывезти императорскую фамилию, но куда, не знаю. Я ничего не говорил. Это происходило действительно на квартире полковника *Митькова*, с которым я еще не познакомился. // (л. 52) Вот все, что я могу о сем совещании припомнить. Я не говорил о сем в моем предложении ³, потому что я совершенно забыл ⁴, как сие намерение было предложено.

Отставной подполковник *Матвей Муравьев-Апостол* ⁵

Я даже не помню, князь *Трубецкой* ли ⁶ сделал сие предложение.

Отставной подполковник *Матвей Муравьев-Апостол* ⁵

[Генерал]-адъютант Бенкендорф

¹ Показание написано Н. М. Муравьевым собственноручно.

² Вверху листа помета чернилами: «Получ[ено] 16 июня 1826».

³ Так в подлиннике.

⁴ Далее зачеркнуто: «где».

⁵ Показание написано М. И. Муравьевым-Апостолом собственноручно.

⁶ Вместо слова «ли» в подлиннике ошибочно вписано над строкой: «если».

О СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ Н. И. ТУРГЕНЕВА

Следственное дело видного деятеля декабристского движения Николая Ивановича Тургенева отличается от «обычных» следственных дел декабристов. С 1824 г. Н. И. Тургенев находился за границей в Англии, поэтому следствие и суд над ним проводились заочно, на основании показаний других декабристов (Следственный комитет опросил по делу Н. И. Тургенева 24 наиболее видных членов тайных обществ). Уже с начала работы Следственного комитета ясна была видная роль Н. И. Тургенева в тайном обществе. Против Н. И. Тургенева выдвигались следующие обвинения: 1) принадлежность к тайному обществу, 2) участие в совещаниях общества (в Петербургском совещании Коренной управы Союза благоденствия в 1820 г. и в Московском съезде 1821 г.), 3) участие в восстановлении тайного общества после 1821 г., 4) участие в распространении общества привлечением в него других членов, 5) умысел ввести республиканское правление в России.

Первоначально, действуя через дипломатические каналы, царское правительство добивалось от правительства Англии выдачи Н. И. Тургенева, но не имело успеха. 2 апреля 1826 г. в Журнале Следственного комитета сделана об этом следующая запись: «Комитет рассмотрел

¹³² ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 30, ч. 1, л. 89.

¹³³ Щеголев П. Е. Указ. соч., с. 269.

¹³⁴ Декабристы и тайные общества в России, с. 93, 114.

¹³⁵ Восстание декабристов, т. VIII, с. 204, 420; Движение декабристов. Именной указатель..., вып. 3, с. 701—702.

присланное на рассмотрение от г. начальника главного штаба е.и.в. при рапорте дежурного генерала дело, производившееся по Министерству иностранных дел, об арестовании действительного статского советника Тургенева, с приложением к оному бумаг статского советника Сергея Тургенева и двумя письмами действительного статского советника Александра Тургенева к брату его Николаю и к почт-директору Булгакову. Из дела видно, что встречаются препятствия ко взятию Николая Тургенева, находящегося в Лондоне»¹³⁶. Далее в этой записи говорится, что были захвачены и другие бумаги Сергея и Александра Ивановичей Тургеневых, но, как выяснилось, эти бумаги «не заключают ничего предосудительного»¹³⁷. Братья С. И. и А. И. Тургеневы к следствию не были привлечены.

4 апреля Следственный комитет принимает такое решение: «Надлежит объявить ему, Николаю Тургеневу, через посольство в Лондоне, что по случаю имеющихся показаний, обвиняющих [его] в участии в тайном обществе, имевшем преступное намерение преобразовать правление и нарушить государственное спокойствие, должен он явиться немедленно в С.-Петербург для принесения своего оправдания и подвергнуть себя решению, которое о нем учинено будет, если же не явится, то будет судим заочно, по одним имеющимся на него показаниям, ибо неяска его примется в доказательство, что он признает оные справедливыми и не имеет возможности себя оправдать»¹³⁸.

7 апреля 1826 г. председатель Следственного комитета А. И. Татищев представил доклад об этом Николаю I (док. 2/3). Разумеется, Следственный комитет не льстил себя надеждой на то, что Н. И. Тургенев добровольно явится из эмиграции, чтобы отдать себя в руки царского «правосудия». Но такое «объявление» ему о явке на суд давало юридические основания судить его заочно. Как говорится в указанном докладе Николаю I, «без сего объявления он (Тургенев.— *Прим. сост.*) не может быть судим заочно, ибо по закону обвиненного нельзя признать виновным, не объявив ему предварительно, в чем он обвиняется». Комитет полагал дать Тургеневу «на нужные для путешествия приготовления» трехдневный срок со дня сделанного ему объявления о явке на суд, по истечении которого дальнейшее пребывание Тургенева в Англии «сочтется как его нежелание исполнить требование правительства» (док. 2/3). 9 апреля Николай I утвердил доклад Следственного комитета и распорядился дать необходимое предписание министру иностранных дел К. В. Нессельроде для принятия изложенных в докладе мер. Таковое предписание (см. док. 3/4) было направлено Нессельроде 10 апреля вместе с копией доклада Николаю I.

Между тем брат Н. И. Тургенева Александр известил его «по городским слухам» о выдвинутых против него обвинениях и убеждал его направить царю письменное оправдание. 24 апреля Н. И. Тургенев отослал свою записку (в литературе она получила название «Первой оправдательной записки Н. И. Тургенева») А. И. Тургеневу [(док. 6/6)¹³⁹. 20 мая А. И. Тургенев направил полученную им оправдательную записку брата Николаю I со своим сопроводительным письмом (док. 5/5).

27 апреля к Н. И. Тургеневу явился секретарь русского посольства в Англии А. М. Горчаков с требованием о возвращении его в Россию (см. донесение об этом Горчакова от 30 апреля 1826 г., док. 8/8). В расписке (см. копию ее док. 9/9), данной 27 апреля Горчакову, Н. И. Тургенев официально заявил о своем нежелании возвратиться в Россию, мотивируя свой отказ «совершенно расстроенным здоровьем». По поводу выдвинутых против него обвинений Н. И. Тургенев заявил, что уже отослал 24 апреля «полное объяснение». Отказ Тургенева о возвращении в Россию Следственный комитет получил 23 мая 1826 г. (см. док. 7/7).

В специальных вопросных пунктах декабристам о Н. И. Тургеневе Следственный комитет особенно интересовался степенью причастности Тургенева к планам царевубийства и введения республиканского правления в России. 27 апреля 1826 г. М. И. Муравьев-Апостолу был дан вопрос о том, разделял ли Тургенев вместе с другими членами Северного общества «мнение Южного общества насчет введения республиканского правления с покушением на жизнь императорской фамилии». М. И. Муравьев-Апостол в своем ответе показал, что Н. И. Тургенев

¹³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 332 об.

¹³⁷ Там же, л. 333.

¹³⁸ Там же, л. 340.

¹³⁹ *Шебунин А. Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов.*— В кн.: *Декабристы и их время*, т. 1. М., [1928], с. 117—119.

был поставлен только в известность о намерении южан ввести республиканское правление в России (док. 4/2). 16 июня 1826 г. были даны вопросные пункты И. Пущину, Митькову, Трубецкому, Никите Муравьеву, М. И. Муравьеву-Апостолу и Оболенскому о совещании Северного общества на квартире Рылеева в 1824 г., на котором обсуждалась судьба императорской фамилии и в котором участвовал Н. И. Тургенев. Следственный комитет стремился выяснить, действительно ли тогда Н. И. Тургенев высказывался за вывоз императорской семьи за границу. Пущин показал, что не помнит этого. Митьков сослался на то, что он на этом совещании не был. Оболенский и Трубецкой отрицали сам факт такого совещания. Никита Муравьев показал, что совещание состоялось «незадолго до отъезда Николая Тургенева за границу», но что именно на нем сказал Тургенев, он также не помнит. М. И. Муравьев-Апостол показал, что это совещание состоялось на квартире не Рылеева, а Митькова и предложение о вывозе императорской семьи за границу сделал не Тургенев, а Трубецкой (см. док. 13/0, 14/0, 15/0, 16/0, 17/0, 18/0).

Кроме указанных выше документов, следственное дело Н. И. Тургенева содержит опись документов дела, выписку из показаний 24 декабристов о Н. И. Тургеневе, записку о нем, составленную правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым, и вторую краткую записку о Н. И. Тургеневе (см. док. 1, 10/1, 11/0 и 12/0).

Верховным уголовным судом Н. И. Тургенев был отнесен к первому разряду и приговорен «к смертной казни с отсечением головы». В обвинительном заключении суда о Н. И. Тургеневе сказано: «Был деятельным членом общества, действовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оного привлечением других; равно участвовал в умысле ввести республиканское правление; удалясь за границу, он по призыву правительства к оправданию не явился, чем и подтвердил сделанные на него показания». По конфирмации 10 июля 1826 г. смертная казнь Н. И. Тургеневу была заменена вечной каторгой¹⁴⁰.

Следственное дело Н. И. Тургенева хранится в ЦГАОР СССР, в фонде № 48, под № 393. Согласно современной нумерации оно состоит из 56 листов. Старая нумерация, проставленная при оформлении дела, учла 30 листов. Документы 1, 11/0, 12/0, 13/0, 14/0, 15/0, 17/0 и 18/0 попали в дело после его оформления.

¹⁴⁰ Декабристы и тайные общества России, с. 85—86, 112.